

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ

Г Р А Ф А
Х В О С Т О В А.

ПОСЛАНИЯ
КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

~~~~~  
ТОМЪ ТРЕТІЙ.  
~~~~~


САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Императорской
Россійской Академіи,
1829 годъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ шѣмъ, чшобы по оппечатаніи представ-
лены были въ Цензурный Комитетъ *три*
экземпляра.

С. П. Б. 16-го Окшября 1828 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПОСЛАНИЙ КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

	Стран.
1. Н. Н. о красотѣ Россійскаго слова	1.
2. Н. Н. о пользѣ словесности	8.
3. Якову Борисовичу Княжнину	14.
4. Творцу Комедіи: <i>Селья разстроенная осторож- кою или подозрѣніями</i>	20.
5. И. А. Крылову	24.
6. Ивану Аванасьевичу Дмишревскому	30.
7. Ивану Ивановичу Дмишрѣеву, 1-е	35.
8. Ему же, 2-е	38.
9. Н. И. Гнѣдичу	44.
10. Расилону	50.
11. Н. Ѳ. Осполопову, 1-е	57.
12. Живописцу моему	61.
13. Графу Григорію Сергѣевичу Салшыкову	67.
14. Графу Александру Сергѣевичу Спрогонову	72.
15. Николаю Ѳедоровичу Осполопову, 2-е	76.
16. П. П. Свиныну	83.
17. Г. Тончи, славному живописцу опношешельно си- сшемы о призракахъ	91.
18. Александру Александровичу Писареву, 1-е	95.
19. В. И. Панаеву о пользѣ Общешивъ	99.
20. Государшвенному Канцлеру, на возвращеніе шлюба <i>Рюрика</i>	105.
21. Императрицѣ Матери, на смершь Королевы Виртембергской	108.

	Сшран.
22. Павлу Александровичу Межакову о счасшіи . . .	111.
23. Неумѣренному чесполюбцу	114.
24. Кашеринѣ Наумовнѣ Пучковой	117.
25. Музѣ враждебницѣ	124.
26. Ивану Машеѣвичу Муравьеву-Апосшолу	127.
27. Врачу моему К. Дашкову	134.
28. Александру Александровичу Писареву, 2-е . . .	137.
29. Ивану Ивановичу Дмишріеву, 2-е , .	140.

О КРАСОТѢ РОССІЙСКАГО СЛОВА.

1803 года.

По Руски сочишяшь возможно число, плавно, (1)
При Волгѣ получишь въ пошомспѣвѣ имя славно;
Препонѣ не встрѣшишся. — Ужели древній Галль
Лавровые лѣса себѣ опмежевалъ?
Ужели онъ одинъ шокъ свѣщлый Ипокрены
Проводомъ хишрымъ слилъ съ водами числой Сены?
Не спорю, — многіе Французскіе пѣвцы
Опшъ Феба приняли Лавровые вѣнцы;
Но многіе у нихъ на Пиндѣ захромали,
И долго Музъ искавъ, въ глаза ихъ не видали.

Кошиновъ тысячи, Прадоновъ бѣдныхъ шма.
 Языкъ не виновашъ, коль пѣшь въ творцѣ ума;
 И если въ головѣ не лягутъ мысли ладно,
 Какъ лиру ни верши, ты пѣшь не будешь складно.⁽²⁾
 Неосновательный повсюду внемлю крикъ,
 „Что грубо, не вычищенъ и бѣденъ нашъ языкъ;
 Пусть можетъ славить онъ Царей, Героевъ, Бога,
 У насъ недоспаетъ запѣйливаго слога,
 И оспроумной пѣшь игривости въ рѣчахъ,
 Какою славяшся пѣвцы въ другихъ земляхъ;
 Слова огромныя, рѣченья спародавны
 Ни мало, говоряшъ, не ловки, не забавны;
 Едва сто лѣтъ поюшъ въ Петрополѣ пѣвцы,
 И сами мы себѣ доселѣ образцы.“
 Языкъ Россійскихъ спранъ богашый, сильный, спройный,
 Всѣмъ мыслямъ, чувствіямъ и лицамъ всѣмъ приспойный
 Являешъ свѣшлые, обильныя ключи,
 При коихъ Бардъ сидя, поспѣ небесъ лучи.
 Коль Россамъ свойспвенъ духъ Виргилія, Мильшона,
 Веселосп ли чужда пѣвца Анакреона?
 Овечки въ кусшикахъ и рѣзвый Купидонъ
 Уже украсили здѣсь милой Флоры шронъ.
 Пошомшву огласяшъ Квиншиланы спроги,
 Что нами Душенькѣ поспроены чершогы. ⁽⁵⁾

Французы любя Мароша острошу,
 Постигли новую въ языкѣ красошу; (4)
 Корнелій мыслию высокою удивляешъ,
 Расинъ пріятношью и чувстввами плѣняешъ,
 Зришь тайны Молліеръ сокрышыя сердцеъ,
 Срываешъ Лафоншенъ за басенки вѣнецъ.
 Языкѣ не самъ собой цвѣшешъ, но умъ крылатый,
 Горящія сердца, и чувстввія богаты
 Удобны сообщитъ ему безмѣрный вѣсъ,
 И молнію раждашъ и громъ свеситъ съ небесъ. (5)

Упасъ Мароны всѣ, и всѣ воспоргомъ дышущъ,
 Возмущъ чернилицу, перо, бумагу, пишущъ;
 Въ искусствѣ не узнавъ ни правилъ, ни конца,
 Печатающъ стихи, и ждущъ ошъ музъ вѣнца;
 И ешли бредни ихъ вѣнчаешъ смѣхъ народный,
 Пѣвецъ ли виновашъ? ахъ нѣшъ!—языкѣ безплодный.
 Не диво, — на Руси Поэмъ холодныхъ тѣма,
 Въ кошорыхъ смысла нѣшъ, ни вкуса, ни ума.
 Тотъ хочешъ громокъ бышъ, шотъ уловишъ слезливошъ,
 Не зная, въ чемъ стиховъ пріятная красивосшъ,
 Одинъ изъ спарины шяжелый взявъ запасъ,
 Кошораго подышъ не въ силахъ самъ Пегасъ,
 Учпивымъ языкомъ плешя любви вѣночки,
 Невѣстѣ скажешъ: *ахъ! мы быхомъ голубочки;*
 Иной въ письмѣ къ друзьямъ взявъ чужеземный шонъ,
Роняя слезошку, гласитъ наивный стошъ, (6)

И оборотъ схващя несвойственный и бѣдный,
Приносишь языку красы въ подарокъ вредны. (7)
Невѣжды вопіюшь : „примѣръ опколѣ взять ?
Гдѣ въ слогѣ оборотъ игривый почерпашь ?“
Творцу искусному не можешь бышь препоны ;
Гласишь ошъ языку, какъ Царь, свои законы.
Изъ камня трубаго, изъ мраморныхъ сполбовъ
Безсмершный Фидіасъ образовалъ боговъ.
Горацій, славный Музъ любимецъ и любитель ,
Совмѣстникъ Пиндара, Поэшовъ просвѣщитель ,
Давно прекрасными стихами возвѣстилъ ,
Чшо веществу здѣсь рокъ предѣлы положилъ ,
Чшо горы рушашся, и пошпы изсыхаюшь ,
Подобно имъ слова могилу обрѣшаюшь.
Упошребленье — Царь всевластный языковъ —
Пріемлешъ новыя на мѣсто старыхъ словъ. (8)
И ты , пѣвецъ, не чши въ числѣ красовъ великихъ
Невняшный никому наборъ рѣченій дикихъ ;
Согласно съ временемъ слогъ плавный избери,
Какъ Нимфы, пѣжными стихами говори. (9)

Такъ Римлянъ Флаккъ училъ, такъ поучашъ Россовъ
Нашъ сѣверный орелъ—великій Ломоносовъ ;
Языка древняго проникнувъ смѣлый духъ,
Ошъ оскорбляшъ не смѣлъ ни разумъ нашъ, ни слухъ.

Какъ гордая рѣка, возъемлющая волны,
Такъ онъ, величешвомъ и быспрошюю полный,
Умѣлъ опличшый даръ иккуспвомъ подкрѣпляшъ
И слово каждое, гдѣ должно, посшавляшъ.
Коль спросишъ: „гдѣ языкъ?“ Славянскія шы книги
Ошнюдь не почишай за шяжкія вериги;
Онѣ свѣшильники давно прошедшихъ лѣшъ,
Ихъ лучъ не шеплошу, а блескъ единый льешъ.
Любя веселосши красивую дорогу,
Тяжелость не присвой Бояновъ древнихъ слогу;
Не говори, пусшъ мысль свѣшла, лишь за грѣхи
У Карпа иль Пешра *тяжелые стихи*. (10)
Безсмершныя красы въ саширахъ Кашшемира,
Но слогъ подвергнулся премѣнѣ общей міра.
Бери сокровища изъ древней кладовой,
Придавъ имъ новые и образъ и покрой.
Хошя исполненъ шы, Поэшъ, огня и дара,
Безъ правилъ въ языкѣ не мчешъ въ слѣдъ Пиндара;
Когда его себѣ чрезъ шрудъ не покоришь,
На подвигъ не дерзай, — въ шсбѣ не спасешъ силъ.
Душа въ Поэшѣ — даръ, я ушверждаю смѣло;
Лишь краски гдѣ возмешъ свое окончишъ дѣло.
Гоповы бышія природы на рукѣ;
Таланшъ ихъ оживляшъ — иккуспво въ языкѣ.
Какъ Аріадны нишъ влюбленному Тезсю,
Языкъ Поэшу вождь, какой идишъ спешею.

Мѣстоименіе , нарѣчіе, глаголь,
Пускай бездѣлицы, — виною многихъ золь.
Связь рѣчи съ мыслями и съ риемою разсудка
Покажешся смѣшна, однако и не шутка.
На Геликонѣ зримъ, что славные пѣвцы
Мрачили иногда лавровые вѣнцы.
Виргилій, Флаккъ, Расинъ, языкъ свой шочно знали,
И слога чиспошой чинашеля плѣняли.

Поспигнувъ корень словъ, дерзай безспрашно въ пущь,
Попушный въспрѣ шесбѣ пріятно будешъ дущь ;
Ты быспро пролетишь мѣсна, гдѣ горъ вершины
Грозашъ обрушишся морскаго дна въ пучины ,
Гдѣ буръ сердисныхъ Царь , разгнѣванный Борей
Двумя стихіями разишъ среди морей.
Коль въ мысли дерзоспшой предпримешъ подвигъ
звучный, —

Потрясшъ Олимпа сводъ, какъ Бриарей споручный ,
Тебя не устрашашъ, ни бурный гнѣвъ валовъ,
Ни пламень шаршара, ни грозный прескъ громовъ.
Но если угнѣли явленія ужасны ,
Предсшанешъ невзначай напуры ликъ прекрасный :
Тамъ холмикъ, и ручей, и василекъ цвѣшешъ,
И Сильвія вѣнокъ для милаго плешешъ ;
Зефиры нѣжашся, поверхъ воды порхающъ ,
Лилей съ розами сцѣпясь, благоухающъ.

Будь мыслями высокъ , а въ слогѣ плавець , числѣ ,
Являя бури часѣ , представь намъ въшровѣ свислѣ .
Коль чуждѣ шсбѣ языкѣ , иль скуденѣ дарѣ природный ,
Просиися съ Музами , швой будешѣ шрудѣ безплодный ;
Ошѣ спихошворнаго ошсшанѣ шы ремесла ,
Ползущихѣ на Парнасѣ не умножай числа .

О ПОЛЬЗѢ СЛОВЕСНОСТИ.

1807 года.

Словесность на земли и въ старину любили ; (11)
Лишь смертный, коему судьбы опредѣлили
Безъ чувства совершишь унылыхъ мѣру дней,
Не можешь усмотрѣшь словесности лучей.
Безумной гордостью невѣжи ослѣплены
Дерзали поносить сей даръ небесъ безцѣнный,
Гласили : „это плодъ испорченныхъ головъ ;
Запѣйливый наборъ высокопарныхъ словъ, (12)
Хошя и кажешся собою превосходень,
Равно, какъ прочія художества, бесплодень.“

Посмотримъ,—Фидіасъ и съ нимъ Зевксисъ давно
 Живошворили дубъ, и мѣдь, и полошно;
 Изображеніемъ прекрасныя природы
 Цѣнили Грецію и поздныхъ лѣтъ народы.
 Ты видишь лучъ въ глазахъ, на лицахъ жизни цвѣтъ,
 Все дышетъ бытіемъ, но рѣчи, чувства нѣтъ.
 Лишь плодъ Поэзіи и мудрости шворенья,
 Гдѣ разумъ, сила, духъ, огонь воображенья,
 Разнообразныя высокія красы,
 Лезятъ среди пространствъ и сѣютъ въ слѣдъ часы.
 Творенья Греческихъ искусниковъ прелестны,
 Но только имена доселѣ ихъ извѣстны;
 Упращенная кисть что оживляетъ намъ?
 По древнимъ дерзостно лежающій играмъ
 На Лирѣ говоришь пѣвецъ доселѣ Фивскій;
 Еще подобно насъ Вишія учишь Римскій,
 Дарами, доблестью безмерный Цицеронъ;
 Рѣчь зрѣлаго ума въ его устахъ законъ.
 Словесность на земли оставя кругъ ничтожный,
 Кладешь свою печать на узелъ многосложный.
 Ея внушеніемъ служилель Олшарей
 Гремилъ о должбости народовъ и Царей;
 Болярищъ, смертныхъ другъ, простря свой умъ глубокій
 Въ далеко-шайные грядущихъ дней пошоки,

Судьбу и возрастъ царствъ, какъ солнце въ полдень, зришь,
 Вѣщая: „здѣсь мечи, шамъ нуженъ буденъ шипъ“
 Прозря, что бышь должно, предъ міромъ гласъ возносишь,
 На разумъ опершись, онъ пребуденъ, — не просишь.
 Вишій швомъ пламеннымъ великій Демосѣенъ
 Низпасъ препяшшвовалъ Аѳинамъ гордымъ въ плѣнь ;
 Несушимый спражъ вращая всюду взгляды ,
 Завоевашелю пошановлялъ преграды.

Словесность мирная свирѣпыхъ бипвъ въ огнѣ
 Является очамъ въ спасительной бронѣ ;
 Приготовляя бой, и смерть окаменяетъ
 И бодрость въ ратниковъ чудесную вселяетъ ;
 Любя опечесшво, гласишь Тиршея рѣчь,
 Велишь иди впередъ, держа въ десницѣ мечъ.
 Привыкнувъ возвѣщашъ памъ испшны высоки,
 Въ сердца суровыя льешъ жалосни пошюки,
 Не рѣдко власшвуешъ среди глубокой шьмы,
 Лучами озаря сумрачные умы ;
 Проикнувъ мыслью ходъ шайншвенный природы,
 Объемлешъ взоромъ швердь, подземную и воды ,
 Въ края безвѣшныя съ Поэзіей лепишь,
 Весь міръ живошворя, прелесшный кажешъ видѣ.
 Природное пѣвцу пускай погибло слово,
 Въ устахъ любимца Музъ оно плѣняетъ гошово ;

Пускай Европѣ чуждѣ унылый въ рабствѣ Грекъ, (13)
Омировъ сильный духъ изъ вѣка льещя въ вѣкъ.

Языкѣ, обиліемъ посланниковъ крылашыхъ,
Дарами славными писателей богашыхъ,
И сердцемъ и умомъ владея спрахъ чужихъ,
Владеши, шакъ сказаши, кормиломъ царства ихъ.

Я вижу въ древности событіе чудесно,
Сколь вдохновенья рѣчь для смершнаго прелесна.
Повѣдай, Музѣ соборѣ, ошъ каковой вины,
Когда надменный Римѣ кинжалѣ вложилѣ въ ножны,
Народы новые Европу населили,
И вѣру, и языкѣ, и мысли премѣнили,
И седми-холмнаго опринувъ власшъ и мечѣ,
Въ дѣлахъ своихъ его упопребляюшъ рѣчь?

Когда смерть злобную Элизенѣ заклинашъ, (14)

Галена языкомъ успавы ей вѣщаешъ;
Коль спраждеши испина, безсмершний Цицеронѣ,
Какъ Римлянамѣ, гласиши по Римски намѣ законѣ;
Россію изключача, средѣ храма и чершого
Европа цѣлая по Римски славиши Бога.

Войной и мудросшью Римѣ знамениши, великъ,
Римѣ палѣ, — не пали съ нимѣ Вишии и языкѣ.

Средѣ мира и войны народа власшъ велика,
У коего въ рукахъ ключѣ общаго языка;
Сокрышый въ шайнѣ узлѣ познаешъ онѣ одинѣ,
Повсюду не пришасцѣ, шепенный граждаши,

Богатства чуждаго и чуждыхъ силъ наслѣдникъ ;
 Ему и Нордъ и Югъ—природный собесѣдникъ.
 Какъ солнце двигаетъ круги своихъ планетъ,
 Онъ разныхъ оси спертъ къ своей землѣ влечетъ ;
 Орфея древняго пріемля въ руки лиру ,
 Волшебной прелесью даешь законы міру.
 Коль Феба зрѣшь хопимъ неопдаленныхъ льштъ ,
 Увидимъ,— въ пѣсняхъ Галлъ свидѣтельство даешь
 Искусство въ языкъ народамъ всѣмъ полезно.
 О ны , Славяновъ родъ, Опечесство любезно ,
 Россія славная ! ревнуй, да швой языкъ
 Останется въ числѣ блистательныхъ Владыкъ.

Какъ многолѣтній дубъ, глубоко вкорененный,
 Обильный вѣтвями, плодами опягченый ,
 Томимымъ спранникамъ средъ зноя въ лѣтній десь
 И жажду утолишь и дашь удобенъ шѣнь ,—
 Природный нашъ языкъ дерзая сквозь преграды,
 Обиліемъ своимъ намъ подаешь опрады.
 Поднесъ имъ разныя вѣщающъ племена ;
 Онъ Царь былъ многихъ спранъ въ Несшора времена; (15)
 Бояны вѣще до шверди съ нимъ взлетали,
 Ихъ спруны, персна знакъ примѣпя , рокопали.
 О злой предѣлъ судьбы ! о времени полстѣ !
 Ты пѣсней сладостныхъ лишилъ и насъ и свѣстѣ.

Увидимъ, — нашъ языкъ, какъ рѣкъ быспрѣйшихъ воды
Прольется далско въ позднѣйшіе народы;
И славой дѣль своихъ, и громкимъ звукомъ лиръ
Плѣнишь, восхишишь Россъ въ попомспвѣ цѣлый міръ.

Дерзая Александръ спезей Екатерины,
Отверзъ для насъ пуши въ чершого Мнемозины.
Тамъ жаждешь ревностно избранный сонмъ мужей (16)
Словъ корень показашъ, назначишь вѣсь рѣчей,
Великолѣпное облечь Россіянъ слово
Въ предсшнй блескъ Аѳинъ и украшенъе ново.
О сспшли бы оно доспигнувъ дальнихъ мѣспъ,
Сіаньсмъ, висошой коснулось самыхъ звѣздъ!

ЯКОВУ БОРИСОВИЧУ КНЯЖНИЦУ.

1784 года.

Княжнинъ! ты поприще просшорное избралъ; (17)
Мой другъ, исполни то, что шестъ твой обѣщаль.
Театра нашего основанное зданье
Усовершенствовашъ ты приложилъ старанье.
Красы всеобщія пльняють каждый вѣкъ,
Коль ихъ поспигъ, списалъ великій человекъ.
Умъ, сердце всѣмъ даны; не климанъ и не рѣки
Виною, что въ спихахъ шоль превосходны Греки.
Въ шуманомъ Лондонѣ большіе ешь умы;
Коль даръ съ наукой въ насъ, — бышь славы можемъ мы.

Ты самъ Дидовою Пестрополь восхищаешь,
У зришелей своихъ слезъ токи извлекаешь,
Огоньъ постигнуль Музъ въ сердечной глубинѣ,
И доказалъ своей примѣрами странѣ,
Что скуденъ хладный умъ Трагедію составишь,
И нужно чувствовашь, чтобъ чувствовашь заставишь.
Обязанъ Трагикъ намъ въ извѣстные часы
Являшь на зрѣлищѣ высокія красы,
Чтобъ дѣйствіе шкло, и были всѣ пружины
Искусно сцѣплены огромнѣйшей машины.
Зря Ифигенію, забыль я, кто Расинъ,
Передъ меня предшаль Эспидинъ въ гнѣвъ сынъ;
Увнчанную зрѣшь любовь его желаю,
Съ нимъ испушеніе, съ нимъ горестъ раздѣляю;
Сосражда, купно съ нимъ пускаю тяжскій шонъ,
Чтобъ хитроспный Улиссъ, иль самъ Агамемнонъ,
Царевну юную не предали на жертву;
Ее, какъ сродницу, боюсь увидѣшь мершву.
Искусшо ужасашь и умляшь сердца —
Искусшо первое Трагедіи шворца.
Пусть лица въ дѣйствіи законами искусствва
Свои врожденные представляшь нравы, чувствва.

Любовь и ненависть по волю къ нимъ всслай,
Но ихъ природныхъ свойствъ опшодъ не изпроблай;
Ты все распоряди, чтобъ въ сладости забвелья
Я зрѣль событіе, не плодъ воображенья;

Увидѣшь не хочу нигдѣ спросишь своихъ,
Себя сокрой, представь Героевъ намъ своихъ.

Представь, Княжпизнь, себя, чужія зря напасши,
Умѣй ихъ описашь, какъ собственныя спроси; (18)
Забудь вселенную, и взявъ крилъ ума,
Пари безъ робосши, да Муза пущь сама
Одинъ твой будешь вождь. Спихи всегда прекрасны,
Коль съ чувствомъ, правами писателя согласны.
Искусства красота — хвала родившимъ ихъ;
Творца не поведешь чужой къ безсмертью спихъ,
И если зришеля мгновенно обольщашь,
Воспоргъ и похвалу попомства уменьшаетъ.
Богатый духомъ мужъ не ждетъ чужихъ подпоръ,
Его душа ему родинъ красоту соборъ;
Сраженья въ люпый часъ сынъ Марса не спремишся
Вобану, Гиббершу, Полибію учишся;
Не время занимашь, чѣмъ славился герой,
Онъ самъ распорядилъ тогда къ побѣдѣ спрой.

Природы красота въ душѣ своей пиная,
Расина нѣжносшь, духъ Корнеля ощущая,
Ты въдрри ихъ въ себя, будь сладоспень, высокъ;
Ихъ дары совмѣшивъ въ души своей пошокъ,
Разлей въ шворенія повсюду изобильно,
Влеки и восхищай ты зришелей насильно,
Забудь Корнеля, дай мнѣ видѣшь Княжнина,
Пущь будешь чувствами душа швоя полна.

Кто хочешь славень бышь, будь славень самъ собою;
 Нѣшь двухъ въ одномъ лицѣ, — шакъ 'суждено судьбою.
 Пусшь спраши у людей съ пачала лѣшь одни,
 Расишь и Эврипидъ — одно въ различны дни;
 Пускай различень вѣкъ, различны ихъ языки,
 Но чувствованія у обоихъ велики.

Въ Расишь сила, духъ, рѣчь плавная въ стихахъ
 Была примѣромъ бы въ блистательныхъ вѣкахъ.
 Воскресни Эврипидъ, не боль онъ Расина;
 Различень образъ ихъ, хопя одна картина.

Какъ Эврипидовы Расишь поняшья взялъ,
 Онъ кишъ имъ даль свою, свой узелъ завязалъ;
 Онъ въ Ифигеніи боролся съ славнымъ Грекомъ, (19)
 Какъ Рыцарь доблесный съ великимъ человекомъ;
 Въ единомъ подвигъ одной спсезей лешъль,
 Не краль его спихи, а превзойши хошьль.

Духъ подражанія къ побѣдѣ поощряешъ,
 Границы иногда въ искусствѣ разширяешъ.
 Будь подражашелемъ не въ дробныхъ мѣлочахъ, —
 Въ высококомъ, въ нѣжности, и плавности въ стихахъ.
 Кто мыслишь побѣдишь Расина безъ препоны,
 Тотъ въ Пиррѣ опиши гнѣвъ спрашний Герміоны;
 Своей красой плѣняй, самъ сдѣлайся шворецъ,
 Коль хочешь приобрѣсть безсмертія вѣнецъ.

На Геликонъ Тассъ съ Эпической трубою
 Необозримое зришь поле предъ собою;
 Покорствуюшъ ему въ часи естества,
 Всѣ твари, виды всѣ, и сами божества; (20)
 Желая произвестъ огромное творенье,
 Онъ можетъ даровать жизнь, чувство и движенье.
 Кругъ Трагика тѣсней, — пускай лепишь до звѣздъ, —
 Онъ долженъ сохраняшь, блюсти единство мѣстъ,
 Единство въ дѣйствіи, единство въ прилѣпленъ,
 Чшобъ къ одному лицу спремилось сожалѣнье;
 И правду спрогую себѣ въ предметъ избравъ,
 Онъ долженъ предспавляшь Героевъ спрасъ и нравъ.

Французскій Эврипидъ, пѣвецъ злощасной
 Федры,

Проникнуть въ самыя сего искусства нѣдры;
 Онъ смерсныхъ срисовать въ прагедіяхъ сердца
 Въ себѣ вмѣщая даръ писателя - творца. (21)
 Искусство рѣдкое, великое искусство —
 Пріятной звучностью склонишь, разпрогашъ чувство,
 Сокрышой прелесью, плѣняющею слухъ,
 Вливаясь внутрь сердець, возвысишь сильный духъ;
 А плавностью стиховъ сіяшь, гремѣшь всемѣстно —
 Искусство одному Расину лишь извѣстно.

Предспавь, Княжнинъ, предспавь ты Мельпомену памть;
Тски безъ робоспи въ ея чудесный храмъ.
Пускай духъ зависпи, враждебный и лукавый,
Ліющій каждый часъ Поэта въ грудь оправы,
Творенія твои спремисся помрачашь, —
Великаго пѣвца не можешь огорчашь;
Пускай опкрышымъ ршомъ безъ смысла шолки съсшъ, —
Свяшая истина поржесшвовашь умъешъ.
Прадопа увѣнчалъ въ Парижѣ наглый крикъ;
Прадопъ шеперь забышь, — Расинъ всегда великъ.

КЪ ТВОРЦУ КОМЕДИИ:

СЕМЬЯ РАЗСТРОЕННАЯ ОСТОРОЖКОЮ

ИЛИ

ПОДОЗРѢНІЯМИ.

1786 года.

Плѣнясь игрой своихъ замысловатыхъ словъ, (22)
Я не желаю знать, творецъ, кто ты шаковъ,
Въ родствѣ ли съ Кесаремъ, Мильпономъ и Пип-
даромъ;
Пишу, восхищаясь твоимъ пріятнымъ даромъ.
Здѣсь не о предкахъ рѣчь... плѣняюсь побой,
Чиновникъ мѣлкой будь, иль въ лещѣ голубой;
Нѣшь пужды вѣдашь мнѣ, что за лицо ты въ свѣтѣ,
Гуляешь ли пѣшкомъ, иль въ золотой каретѣ.
Твой разумъ *салотекъ* (23); пускай не малъ твой чинъ,
Ты, безъ сомнѣнія, великой господинъ;

Бышь можешъ , коль моя догадка справедлива,
Ты Власпелинъ , и вся швоя земля счастлива ;
Положимъ , — мощный Царь , — шы Музь не оставляй ,
Лучами свѣшлыми вѣнецъ свой украшай.

Россія , громкая премудрою державой ,
Днесъ озаряешя наукъ безсмершной славой ;
Минервы сѣверной (24) великолѣпный шропъ
Лелѣешъ Вишязей , Болръ и Геликопъ ;
Съ Парнассомъ Греческимъ Парнассъ сравнишя Россовъ ,
На немъ уже грмишъ великій Ломоносовъ .

Людскія глуности рисуя Моллиеръ ,
Изъ всѣхъ сословіевъ извлекъ себѣ примѣръ ;
Гаршюфы , Докшоры , и Графы , и Вельможи
Узнавъ , что съ лицами осмѣянными схожи ,
Избышокъ шягосшный опкинули проказъ ,
Чегобъ не произвелъ и *илешный указъ* .

Средь Рима древняго преславный побѣдштель —
Менандру слѣдовалъ Комедій сочинштель ; (25)
Онъ слога чисшошу и плавность наблюдалъ ,
Но сердце смершнаго лишь Моллиеръ чшпалъ .
Толь переменчиво ешъ чсловѣкъ шворенье ,
Что шрудно представлять его изображенье ;
Потребно дѣйствовашъ , — не вздоръ пущою болшашъ ,
И обшояшельсшва шакъ шшпро сошлешашъ ,

Чтобъ шушка, остропа, изъ случаевъ раждались,
 Смѣшными не слова, — Акшеры бы казались.
 Мѣшокъ позорнѣйшій Скапинова лица
 Сокрылъ опъ Буало Таршюфова шворца.

Извѣстныхъ Комиковъ сочишис мнѣ въ Парижѣ;
 Но Моліеръ одинъ, — къ нему Реньярдъ всѣхъ ближе.
 При насъ уже Пирронъ, запѣйливый и злой,
 Похишилъ честь вѣнца Комедіей одной.

Дешущъ, хощъ вѣнчанъ былъ, по счастью, успѣхомъ,
 Пльняешъ зришелей искусствомъ, полусмѣхомъ.

Иные молодцы гремушку опклопя,

Сѣкирой лютою пугашъ пришли меня;

У нихъ въ Комедіяхъ всѣ лица низки, злобы,

Издѣвкой исправляшъ и шѣшишъ не удобны.

Жена преступная, неистовый игрокъ, (26)

Не спраннысть въ обществѣ, но гибельный порокъ.

Насмѣшка оспрая пресшупникамъ напрасна;

Имъ уголовный судъ, не Талія ужасна.

Съ пріятноспью смощрю на свой шеперь Парнасъ;
 Искусныхъ Комиковъ находимъ и у насъ.

Хвала Фонъ-Визину за оспрыя забавы,

Въ кошорыхъ Рускіе изображая нравы,

На козлы Вральмана посадишъ иногда,

И будшо говоришъ: „дѣшей своихъ бѣда,

Французское любя не къ спашаи лепспашье,
Заморскимъ копюхамъ ввѣрять на воспншанье!“
Цыфиркинъ пусть задачъ не можешъ важныхъ счесшь,
Всегда гошовъ любишь законы, правду, честь.
Скотининъ, Недоросль и Бригадиръ съ супругой (27)
Оспашуся на вѣкъ Отечесшву услугой.

Почпешъ Вельможа пошъ не ложно, и великъ,
Коль даръ почувсшвуя, полюбишь свой языкъ;
Свершая подвиги для знаменишой службы,
Въ свободный ищешъ часть пріяшной Музы дружбы.
Попомки громкихъ дней среди грядущихъ лѣшъ
Въ уснроешной семьѣ, гдѣ Сплсшниковыхъ пѣшъ, (28)
Любуясь швоихъ писаній оспрошою,
Такъ будущъ разсуждашь, хвалясь своей судьбою:,,
Замысловашое, игривое оспро
Намъ жадноспъ *Макова* предспавило перо;
Оно — ужасный бичъ запѣйливыхъ пороковъ,
И вмѣспъ образецъ полезнѣйшихъ уроковъ.“
О имени швосмъ вѣщашъ мнѣ пужды пѣшъ,
Коль въ есрдцѣ и въ устахъ сто вмѣщашъ свѣшъ. (29)

КЪ И. А. КРЫЛОВУ.

1809 года.

Для дочекъ написавъ уроки, (30)
Крыловъ, шы послѣ замолчалъ,
И свѣша моднаго пороки
Перомъ своимъ не обличалъ.
Пуспь наши милые соземцы
Русалкой шѣшашся, какъ Нѣмцы;
Хохочушь, сидя по скамьямъ,
Когда гурьбой медвѣди скачушь;
Однако волю давъ сердцамъ,
Въ Эдипъ зришельницы плачушь.

Возьми личину и перо,
Какъ началъ, поучай остро;
Спупай въ Сызрань и дальше Вяпки,
Иноплеменные гдѣ дядьки
Не смѣютъ, брося лошадей,
Боярскихъ обучаешь дѣшей.
И если Вральманы исчезли,
Тѣмъ пасъ Фонъ-Визинъ одолжилъ;
Коль Музы храмъ кому опверзли,
Ще даромъ шопъ на свѣпъ жилъ.

Скажи, почшо не украшашься
Дарами щедрыми небесъ?
Почшо тебѣ не покушашься
Безпупныхъ осраишь повѣсъ?
Сшремися въ слѣдъ за Молліеромъ,
Иль будъ въ Россіи самъ примѣромъ,
Пльняя слога чисшошой,
Разупныхъ шупокъ осшрошой,
Хшпросплспенною завязкой;
Смошри, чшобъ не казались сказкой
Посшупки лицъ и разговоръ;
Обворожая разумъ, взоръ,
Засшавъ, чрезъ милые уроки,
Увидьшь наши въ нихъ пороки.

Когда мужикъ въ Театръ попалъ, (31)
Пришворство правдой почиталъ,
Сосѣду своему сказалъ: „
Пойдемъ, поварищъ мой, опселъ;
Въ чужомъ я не свидѣтель дѣль!“
Равно, Комедіи шворецъ,
Чтобъ славы получишь вѣнцъ,
Умѣй ты зришелей забавишь,
Подобное сказаешь заставишь,
Коль хочешь самъ быть образецъ.
Пускай Зоилы молвяшь грозно,
Что мы уже родились поздно,
Что въ наши времена Поэты
Цвѣшокъ, давно поблеклый, рвешь,
Что на Театръ характеры
И множество шушпильныхъ словъ
Схвашили Плавшы, Молліеры;
Не вѣрь ты этому, Крыловъ!
Обуховъ можешь, Фоншанку знаешь?
Зайди, когда пѣшкомъ гуляешь,
Къ Горацію Россійскихъ странъ,
Вступи съ Державинымъ въ бесѣду, (32)
Проси, чтобъ взявъ свой шалисманъ,
Сводилъ на Карповку къ сосѣду,

И шамъ спиши опкупщика,
Который, къ прибылямъ но спрасши,
Гоповишь опкупомъ напасши,
И у котораго рѣка
Несмѣшнаго богатства льется;
Ухой Шекскихъ шерлядей
Онъ кормишь Графовъ и Князей.
Представъ, — ужу подобно вьшся,
Когда Болярина узришь;
Напрошивъ гордо, хопъ учшиво,
Съ полувельможей говоришь;
Съ какою наглосью спремишся
Несчастливыхъ смертныхъ облупишь,
Чтобы сынку чинокъ купишь,
И бракомъ съ знатными сроднишся.

Смѣшнѣй ли нуженъ образецъ?

Впряги копейныхъ въ колесницу,
Пусшися въ древнюю сполицу, —
Въ Москвѣ найдешь его, шворецъ;
Спроси о домъ Коріона,
Охотника до слезъ и спона,
Охотника всѣхъ погребашъ,
Который гореснымъ обрядомъ,
Печальнымъ видомъ и нарядомъ

Привыкъ грусть сердца усладяшь.
Когда въ шокѣ семейство плачешь,
Тупъ Коріонъ повсюду скачешь,
Хопя съ покойнымъ незнакомъ;
Добьешься крикомъ или ласкою,
Чтобъ ловко для него, съ умомъ,
Послѣдній изгошовишь домъ,
И погребши приснойно, съ честью;
Пріяшства ищешь у больныхъ,
Чтобъ схоронишь искусно ихъ.
За шѣмъ невѣсны самъ лишился,
Что по случившейся молвѣ,
Которая была въ Москвѣ,
Живаго шесня снарядился
Великолѣпно погребши. (33)
Довольно можно лицъ найши.

Различный ихъ запасъ природа
Хранишь опъ вѣка, въ родъ изъ рода;
Поди ты смѣло къ ней, Крыловъ;
Она тебя издавна любишь,
И нынѣ милосшь усугубишь;
Ищи въ природѣ образцовъ,
Спроси о хипросяхъ завязки,
Похишь у ней рисунокъ, краски;

Часъ уловляя заложой,
Время оставя скорошечность,
Рисуй, чтобы не стерла вѣчность,
Что вписано твоей рукой.
Вездѣ природа жизнью дышетъ;
Подобно ей и Муза пишетъ.
Пролей огонь, пролей ты духъ,
И спаси пламенное чувство;
Тогда вкусъ нѣжный и искусство
Къ тебѣ явятся для услугъ.
Указъ имъ выданъ отъ природы —
Ея любимцевъ уважать,
Чтобъ ихъ сквозь многіе народы
Къ бессмертью только проважать. (34)

КЪ ИВАНУ АОНАСЬЕВИЧУ

ДМИТРЕВСКОМУ.

1795 года.

Искусство зрѣлища, волшебное искусство, (35)

И духъ и нѣжное воспламеняя чувство,

Приводишь къ доблести пріятною снѣзѣй;

Оно пороковъ бичъ, училище Царей;

Любя Аврелія, Таршюфовъ обличаешь;

Смиря огонь спрасшей, забавой обучаешь.

Пѣвецъ на зрѣлищѣ являя чудный блескъ,

Внимаешь зришелей совокупленный плескъ;

Распущей медленно не ждешь себѣ награды,

Тамъ не встрѣчаешь онъ Зоиловъ мрачныхъ взгляды,

Но собираешь дань ошь искреннихъ сердець.
Вопшь слава зрѣлища! вопшь зрѣлища вѣнецъ!
Вѣнецъ назначенный не Федру, не Гомеру,
Но Сумарокову, Корнелю и Волперу. (36)
Непринужденное искусство, рѣчь и жаръ
Въ Акшерѣ намъ пѣвца являющъ рѣдкій даръ.
Дивимся мысленно Софоклу, Эврипиду,
Дивимся болѣе Электрѣ и Алкиду.
Тамъ злобный Филокшешъ, иль хипроспный Язонъ;
Мечшаемъ видѣшь ихъ и слышашъ томный спонъ.
И Росцій, и Эзопъ, и Гаррикъ, и Лексны
Творцамъ дающъ вѣнцы по волѣ Мельпомены.

О! знаменитый даръ — природѣ подражашъ,
Чужія чувства, мысль всегда изображашъ,
Любовь, и ненависть, и мщенье поспешенно
Искусствомъ выспавишь, какъ чувство намъ врожденно!
И мысли и слова геройскаго лица,
Вновь оживленныя чрезъ славный даръ пѣвца,
Акшерѣ въ душѣ своей сообразя, успроя,
Умѣешь украшашъ на зрѣлищѣ Героя.
Коль Авшоръ падаешъ, подѣемлешъ онъ его
Однимъ могущесствомъ искусства своего;
Когда пворецъ гремишь, Музѣ угождая волѣ,
Тогда его Акшерѣ еще возносишь болѣ.

Въ то время видишь гнѣвъ, и купно слышишь стонъ,
Тогда краснѣючи, блѣднѣешь вдругъ *Баронъ*; (37)
Тогда Корнейль, Расишь мечшамъ принудяшь вѣришь,
Осиля мракъ временъ, по чувстввамъ прелесшь мѣришь.

Фидіасъ на мѣди, Апеллъ на полошнѣ
Являюшь Гекшора въ доспѣхахъ и бронѣ;
Прошивъ Сапуерна щипъ имѣешь ихъ искусство;
Но кисшь или рѣзецъ въ Акшеръ — голосъ, чувство,
Конецъ прельщенія — неизъяснимый даръ.
Раждаешь молнія, быспро лепя, пожаръ:
Такъ и актеръ, пускай блеснешъ и исчезаешь,
Но въ сердцѣ зришелей лавръ славы обрѣщаешь;
А слава, не смощря на ѣдкосшь злыхъ вѣковъ,
Хранишь сіяніе и прелесши вѣщовъ.

Ты, Сѣвера Лекешь, средь Росскія державы (38)
Умѣль пріобрѣспи вѣщцы безсмершпой славы.
Почшенны въ общесшвѣ полезшыя дары,
Пріятны разума прелесшныя игры;
Они достоинсшва опъ вѣка въ вѣкъ возносяшь,
Не рѣдко смершному безсмершіе приносяшь;
Нашуры каждый даръ похвалснѣ и великъ,
Свяшую правсшвенносшь когда являшь привыкъ.
Учисъ у древняго защишника закона,
Врага мяшежниковъ, Вишій, Цицерона; (39)

Актера Росція онъ другомъ называлъ,
Великихъ почестей достойнымъ почиалъ.
Не блескомъ ослѣпясь мгновенной въ мѣрѣ славы,
Онъ безпорочные превозносилъ въ немъ нравы.
Здѣсь добродѣтели, блистательнымъ дарамъ
Открыли смѣло путь безсмертной славы въ храмъ.
Дары для разума, что пышность для богатства;
Они величїе, избытокъ славный царства,
Правленья мудрый духъ, духъ силы и побѣдъ
Попомству выставлятъ, когда и царства нѣтъ.

На лавры преклонясь, исполненный дремоты,
Вкушая сладостно Фелицины щедроты,
Скажи, Дмишревскій, мнѣ: назначеноль судьбой (40)
Пешпрополя Театръ прославишь лишь побой? (41)
Къ тебѣ торжественно зываютъ наши Музы:
Оприни поносные безпечной нѣги узы,
Явись, и бодрственно отверзи въ храмъ врага, (42)
Воздвигни ревностныхъ; пускай швои уша
Твоимъ и Музъ пшенцамъ о препинаньяхъ скажутъ,
Пространство поприща и славы блескъ покажутъ.
Ты, зрѣлица краса, будь новый Амфіонъ;
Пусть юношей толпы, швой шяжкѣй слыша спонтъ,
Воспрянутъ, пошекутъ и славы доспигаютъ;
Пусть, восхищая насъ, въ ушыне погружаютъ;

Пускай средь торжества, успѣха въ лучший часъ
Харишы возгласяшъ: „училъ Дмитревскій насъ!“
Пускай пѣвцы, узря сіянье нашей сцены,
Горяшъ усердіемъ къ искусству Мельпомены.
Дерзай къ шоль славному, Оскольдъ нашъ, торжеству,
Припудь совоплесканъ Петрополь и Москву.

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ

ДМИТРИЕВУ.

1803 года.

МЫ въ бѣлокаменной увидѣлись Москвѣ (43)
Чтобъ дружно житье опясть, какъ жили при Невѣ.
Крылатый шаричокъ лешя своей чредою,
Всѣ мѣра красоны уносишь въ даль съ собою.
Мы оба взапуски, счастливой мнѣ судьбой,
Ловили времени полешъ, мой другъ, съ тобой;
Когда приспановили ноги,
Сказали наконецъ : „
Спокойствія дворець —
На свѣтѣ всѣхъ дворцовъ счастливый образецъ ;

*

Его чертоги

Любили боги. “ (44)

И словомъ, вмѣстѣ бышь — для насъ судьбы законъ;

Лишь не бралъ ты меня съ собой на Геликонъ,

И на Парнасѣ я тебѣ не сослуживецъ; (45)

У Фебовыхъ подругъ одинъ ты былъ счастливецъ,

И прелесней цвѣши

Обильною рукой одинъ разсыпалъ ты.

Оспрадно, признаюсь, съ пріятелемъ сердечнымъ

О дарованіяхъ, о книгахъ разсуждашь,

По разуму хвалишь, безъ злобы оуждашь

Съ восторгомъ чувствъ безпечнымъ.

Всѣ знаютъ, что у насъ былъ Пиндаръ и съ трубой;

Горацій есть теперь, припомъ Миниспръ живой. (46)

Что въ юности любовь, — въ лѣтахъ созрѣлыхъ дружба;

Парнасъ — такаяжъ въ свѣтѣ служба, —

Я и ему поклонъ, —

Высокъ мнѣ онъ.

Пусть рѣченьку поешъ Шолью-Анакреонъ,

Природа жизнью дышетъ;

У ней все движется, волшебной кистью пишешь.

Природы зрѣлище высокое для насъ

Замѣнишь, не шутя, Олимпъ и весь Парнасъ.

Сей лучезарный богъ искашлю здѣсь славы
Назначилъ пѣснѣй пупъ и тяжкіе ушавы;
Опъ пребуешъ, чшобъ мысль писашеля была,
Какъ чистый солнца лучъ, безмрачна и свѣтла;
Чшобы въ сшихи слова не вкралися напрасно,
И предшавлялась вещь съ природою согласно,
И даръ вездѣ сіялъ, и быспрый огнь пѣвца
Разлившися, зажегъ чшашелей сердца;
Чшобы паденье шопъ, опъ смысла неразлучно,
Для слуха пѣжнаго гремѣло плавно, звучно;
Чшобы но кто сочшешъ неизчислимость узъ?
Кто можешъ угодишь разборчивости Музъ?
Я первый волю ихъ не рѣдко нарушаю,
И воду изъ Кубры въ Каспальскій шокъ мѣшаю;(49)
То изломаю ямбъ, шо ршому зацѣплю,
То ровно пополамъ сшиха не раздѣлю,
То, за опборными гоняся словами,
Покрою мысль мою густыми облаками;
Однако Музъ люблю на лирѣ величашъ,
Люблю шшашъ сшихи и опдавашъ въ печашъ. (50)
Строками съ ршемами, скажи, кого обижу?
И самому ссбѣ опъ ихъ бѣды не вижу.
Не шанушъ ихъ хвалишъ? мнѣ дальней нужды пѣшъ;
Ихъ Глазуновъ продасшъ, а Дмишршевъ прочшешъ.

Возможно, не сиди поджавши только руки,
Въ Сызранѣ и вездѣ прожишь безъ бѣды и скуки. (47)
Ни Плутусь, ни Зевесъ, ни мудрый Аполлонъ
Не предводишель въ храмъ, гдѣ счастливо созданъ прокъ.
Досшапокъ маленькой, при томъ часы досужны —
Для жизни радостной на свѣтъ эшомъ нужны,
А болѣе бесѣды дружны;
При тихомъ вечерѣ печешь спокойно чолтъ;
Зефиръ не возродишь свирѣпыхъ въ морѣ волнъ.
Въ столицу древноюю я пылъ возвратился;
И естли дружбою швосей не обольсился,
То на судьбу пѣняшь мнѣ право будешь грѣхъ.
Пріятно посидѣшь межъ Хлои иль Тсмиры;
Онѣ владычицы безъ гордыя порфиры,
Онѣ разумницы безъ призмовъ и безъ лиры.
Здѣсь вихри осени среди ушѣхъ
Мы срѣшимъ, ей на смѣхъ,
Безъ скуки и досады;
Улыбки скромности и дней веселыхъ взгляды
Искусно запасемъ прошиву злой зимы;
Примѣшя близко спрахъ печальныя гробницы,
При звукѣ сладостномъ унылыя цѣвщицы
Заснемъ спокойно мы.

Е М У Ж Е.

1810 году.

Давненько Буало швердилъ, что цѣлый вѣкъ (48)
Сидѣть надъ риѣмами не долженъ человекъ;
Я признаюсь, — себя шѣмъ часно забавляю,
Что риѣмы къ разуму, мой другъ, принаровляю.
Пускай водимыя враждебною рукой
Досады спущиваютъ съ забавою шакой,
Пусть Музы иногда мнѣ самому суровы,
На Пиндѣ нахожу себѣ веселья новы;
Но болѣе спо-крашъ любилъ бы Геликонъ,
Когдабъ не сполько спрогъ къ пѣвцамъ былъ Аполлонъ.

Бышь можешъ, знашоки почшупъ его хвалами,
Украсяшъ гробъ гвѣца пріятели цвѣтами,
И съ чувствомъ оцѣняшъ не мыслей красошу,
Не оборошы словъ, но сердца проспошу. (55)

II. II. Г Н Ъ Д И Ч У.

1809 года.

Вспуля съ Парнасскими богинями въ союзъ,
Ты дарованіе намъ показалъ и вкусъ.
Съ Омиромъ ли поещь Агамемнона браши,
Съ Аменаидоюль любви собираешь дани, — (56)
Ты знаешь опытомъ, шы зришь обилъемъ думъ,
Какой вездѣ у насъ на Геликонѣ шумъ.
Пускай довольно бурь въ свящилищѣ Осмиды,
Не меньше трудносшей встрѣчаютъ Піериды.
Пусшь думающъ, что шамъ изящесшвъ красоны,
Что царствуешь весна, одни расшущъ цвѣшы,

Обжоркинъ каждый день для всѣхъ пивердинъ
одно,

Что сытный былъ обѣдъ и вкусное вино;
Изволишь завтракать бифштексомъ и рибифомъ,
Пошомъ въ Милюшиныхъ, не справяся съ шарифомъ,
Ошколъ и когда приходятъ корабли,
За каждую устрицу бросаешь два рубли;
Готовясь пировать на свадебномъ обѣдѣ.
Успѣешь завернуть пишь шеколадъ къ Ларедѣ
Онъ счастливъ, въ себя за лакомымъ споломъ;
Онъ любитъ перигю, и съ сшерлядыми знакомъ;
Глазами жадными всѣ блюда пожираешь:
На гуся цѣлишь, ѣшь пирогъ, форель глошаешь,
Коплешовъ пребуешь, или заводишь рѣчь, (53)
Чѣмъ сдобришь вицгрешъ, какъ вафли должно печь,
А послѣ кинешься на виноградъ и сливы,
На дули, яблоки, на сочныя оливы;
Тамъ время полдничаешь, тамъ ужинаешь пора,
Онъ упражненъ ѣдой до полночи съ ушра.
Обжоркину жена, и совѣшь, и разсудокъ,
Дары, и почести — одинъ его желудокъ.

Шашаловъ, пошъ слуга покорный всѣхъ вельможъ,
Онъ только разсѣвашъ привыкъ по всюду ложъ;

Въ воспоргѣ, въ радости, при музыкальномъ громѣ,
Про вѣспи скажешь: „ихъ я слышалъ въ знашномъ домѣ.“

Для дѣль и для забавъ у всякаго свой вкусъ;
Въ ихъ выборѣ опшюдь не налагаюшъ узъ.
Что Бабочкину здѣсь, Шашалову возможно,
Тѣмъ пользовашься мнѣ зачѣмъ, скажи, не должно?
Такъ; — каждый для себя веселье изгошовъ;
Ихъ забавляешъ бѣгъ, шоль, вѣспи и любовь.
Пусть шѣшашся они въ сейжизни шумомъ, спукомъ;
Я веселюсь швоимъ пріятнымъ, Муза, звукомъ.
Мнѣ въ Федръ басенки опрадно прочишашъ;
Люблю переложить на Рускую ихъ шшашъ;
Люблю, склоняя слухъ къ Расина скорби, спону,
Принудишь у Невы крушишься Герміону;
Люблю Горація высокой мысли громъ
Своимъ на Сѣверѣ изображашъ перомъ;
Но пѣснопѣнія болѣзнію не спражду,
И лавровъ на главу зеленыхъ я не жажду.
Случалось, — нѣсколько шекло на свѣшъ лѣшъ,
Что самъ я забывалъ о шомъ, что былъ Поэшъ;(54)
Не мня, что скудный даръ — опечешву заслуга,
Я посѣшашъ люблю Парнассъ въ часы досуга.
Надѣюсь, — можешъ бышь, въ числѣ спшховъ моихъ
Внушенный Музами одинъ найдешся спихъ;

Что не являешся шуда морозъ суровый,
Что музы рѣзвьяся, плешуть вѣнцы лавровы;
Спроси у тѣхъ, кому сіяетъ Фебовъ свѣшъ, —
Намъ Ломоносовы другой дадутъ опвѣшъ,
Признаются, что ешь на Пиндѣ тучи черны,
И часто вмѣсто розъ шамъ прозябаютъ шерны.
Пусшь на упрямецтво рѣомъ, какъ гибельнос зло,
Пѣнялъ садовнику шупливый Буало; (57)

Намъ должно огласить еще важнѣе пѣни
За рослыя слова, длиною въ полсажени.

Чей можешь умъ, перо, даръ превосходный чей
(Хощябъ въ Петрополѣ родился вновь Орфей)

И стьнолиственно и благопокорливо

Включить въ одномъ стихѣ искусно и счастливо?

Безспорно, — нашъ языкъ — языкъ самихъ боговъ;
Но мы еще на немъ значенье, силу словъ,
Досель не могли осщепенишь закономъ,
Всѣ пишемъ, какъ хощимъ, шупя надъ Аполлономъ;
Бродя по образцамъ несродныхъ намъ чудесь,
Не можемъ языку дать настоящій вѣсь.

Пускай ты побѣдилъ богашествомъ дарованій
Неизчислимости Парнаскихъ препишаній,
Посшигнулъ звуковъ чинъ, разумный слова складъ,
Пусшь мыслямъ чрезъ слова приспойный даль нарядъ,

Положимъ , что въ стихахъ , чрезъ хитрое искусство ,
Съ воображеніемъ совокупляя чувство ,
Ты право приобрѣлъ на лавровый вѣнецъ ;
Но чужь пославшишь ли внизу стиховъ *конецъ* ,
Забота новая тебѣ , Поэшь , родишься ,
Число чипашелей , какъ пчельный рой , плодишься .
Твое твореніе Пешрополь любя ,
Чипашь твои стихи къ себѣ зовешь тебѣ .
Сіяюшъ храмины кинешовъ , люспръ огнями ,
Сидяшъ цѣнишели за круглыми сполами ,
И мысляшъ прорицашъ священныхъ дѣвтъ законъ ;
Въ шоль день шоржеспвенный оставленъ и босшонъ .
Уже шы стихъ прочель , — и кришика тошова ,
Безъ порицанія не пропускаюшъ слова .
Иной спишокъ имъ шускль , а шопъ не звученъ стихъ ,
Глаголы гоняшъ прочь , шумяшъ на запятыхъ ,
Тире привѣспвуюшъ , не шерпяшъ усѣченныхъ .
Писашель ! берегись въ воспоргахъ дерзновенныхъ
Ты къ сущеспвишельнымъ , хошябы и подшашъ ,
Придашочныхъ именъ для риѣмы прибирашъ .

Занявшись Кришика споль мѣлкими вещами ,
Не можешъ озаряшъ насъ истины лучами .
Топъ ищешъ звучности , цвѣшочныхъ узъ другой ,
Извипій щегольскихъ Риторики иной ;

Хошя вопросами писателя замучашь, —
Спихотворенію Поэта не научашь ;
Привыкнувь спрашивашь условной красоты,
Не спросяшъ одного: *Поэтъ ли, Гнѣдичъ, ты?*
О звукѣ, плавности всегда хлопчущь, мысляшъ ;
Кшо гладко пишешь здѣсь, шого пророкомъ числяшъ.
Инымъ писателямъ скажу безъ всякой льсти:
По гладкимъ ихъ спихамъ хошъ шаромъ покаши.

Въ награду за шруды и самъ Фреронъ съ глупцами
Поставишъ въ рядъ шебя съ негодными писцами ;
Рѣшишъ, и Крипики не сдѣлавъ никакой, (58)
Чшо плохо пишешь ты, и хуже, чѣмъ другой.

Иль, Гнѣдичъ, думасшь, средь шягостныхъ заняшій
Досадою гонимъ и зависшю собрашій,
Тергѣньемъ ушомишъ ихъ временную месшь,
Себѣ, Опечесшву хвалы доспавишъ, чесшь?
Или мечпашешь ыш, — богащство, славу міра
Поэшу громкая приносишъ скоро лира?
Оспавъ пріятные пишомцамъ Феба сны ;
Какая всшарь была, пѣшъ шой дарамъ цѣпы ;
Великій швой Омиръ пускай воскреснешъ нышъ,
Не шанушъ о его рожденьи иль кончишъ
Семь споришъ городовъ, ниже одно село (59)
Не пикнешъ, чшо пѣвца на свѣшъ произвело.

Поэшь издревль былъ Олимпа собесѣдникъ,
Достойныхъ подвиговъ высокій проповѣдникъ;
Онъ пользу, истину вселенной оглашалъ,
Хвалилъ полубоговъ, а смертныхъ просвѣщалъ.
Не нужны болѣ пѣвцы замысловаши;
Познанія безъ нихъ открылся ключъ богатый
Пошокъ высокихъ думъ, благодаря судьбѣ,
Покажетъ, изъяснитъ какойнибудь *Абе*.
Что нынѣ лавръ пѣвца, что громкая здѣсь лира?
Не уважаешь ихъ и сошная часъ міра.
Не лучше ли, Поэшь, за чистый взяться умъ:
Оставя лирный звукъ и ключъ богатыхъ думъ,
Счастливыхъ опкуповъ переселишься въ царство?
О жизнь опкупщика! прямое въ міръ барство!
О Вакховъ славный жезлъ, волшебной, золотой!
Ты распочаешь въ міръ веселіе рѣкой,
Твои наперсники въ каретахъ ѣдутъ, сыны;
Власы супружницъ ихъ алмазами увиши.
И только ли? Вакхъ жизнь пріятною шворишь,
Самой природы намъ сокровища даришь.
Скажи, гдѣ опкупщикъ не милъ и непрелесень?
Гдѣ не разумень онъ, не ловокъ и не чесень?
Гдѣ безъ ходапайства, безъ ближнихъ, безъ друзей?
Скажете, кто ему не опопретъ дверей?

Какъ солнца свѣтлый ликъ въ ночь звѣзды помра-
чаешь ,

Червонецъ сладкій звукъ шалаша заглушаешь .

Что дѣлаешь ? издавна уже такой законъ ,

Покорны Плутусу Фебъ , Марсъ и Купидонъ .

Все Плутусъ на земли ; пріятной внемля власи ,

Гордыня чванишя и торжествуюшь спраси .

Когда Поэтомъ бышь велишь швоя звѣзда ,

Спрой лиру , не щади безмѣрнаго шруда ,

Дерзай , пишомецъ Музъ , свѣшишь земному кругу ,

Въ честь самому себѣ , Опечеству въ услугу ;

Ошъ Музы жди вѣнца , здѣсь новый лавръ сади , —

Ошъ современниковъ себѣ досады жди .

КЪ РАСИЛОВУ.

1813 года. (60)

Я въ сказочкѣ урокъ прекраснѣйшій чиналъ,
Что бапюшка, сынку изобрѣшая средство
Упрочишь счастье въ законное наслѣдство,
Пушемъ удачнымъ путь невѣжества синалъ.

Расиловъ! такъ и ты вопросъ мнѣ сдѣлать чудной,
Какъ имя получишь дорогою испрудной.
Судейства бѣгаешь, чтобъ скорою рукой
Подобнаго себѣ не поиграшь судьбой;
Кричишь, что на войнѣ не рѣдко полубоги
Опъ ядерь и свнца шеряють руки, ноги;

Желаешь, чтобъ тебѣ я званіе избралъ,
Гдѣбъ ты со славою безпечность сочелъ;
Избыткомъ нѣжимый, забытый въ жизни рокомъ,
Ты лѣни могъ прослыть въ углу своемъ пророкомъ,
Уважень въ обществѣ, съ вельможами знакомъ.

Скажи, намъ ренъ ли бышь свѣтскимъ мопылькомъ?
Коль такъ, — употреби заботливостъ большую
Колесами спущаешь всегда о мостовую;
Исправенъ будь плашишь визиты, — не долги;
Знай вѣспи; коль ихъ нѣтъ, выдумывай и лги;
Умѣй за ужиномъ игривыми словами
Равняйся выслугой съ безсмертными умами;
Зря прелесней толпу, Зефира представляй,
Лови пріятеля и вскорѣ имъ скучай;
Средь жизни удаля дѣятельность унылу,
Младенцемъ опустишь при старости въ могилу.

Иль карты полюбя, будь записной игрокъ,
Открытую мизеръ разыгрывать жестокъ.
Коль часто пускаешь ходишь мизеры въ руки,
Не испытываешь ты ни голода, ни скуки;
Сидя съ хозяйкою за ломбернымъ столомъ,
Средь общества игриць ты прослывешь орломъ;
Мурныча пѣсенку, привыкнешь взяшки числить,
Не много говоришь, гораздо меньше мыслишь.

Ты оспороженъ будь, и, не смопря на шумъ,
Упомни пройки всѣ, въ шуза впери свой умъ.

Соскуча роскошью и нѣгою зловредной,
Къ природѣ обратишь средь опчины наслѣдной,
Гдѣ псовымъ выѣздомъ легко пощеголяшь,
Живописныхъ гибелью себя увеселяшь.

Тамъ слугъ полдюжины, съ чиновными и болѣ,
Тебя торжественно сопровождаютъ въ поле;
Спряманный смѣшливый вздѣвъ шапку на бекрень,
Блюдешь, чшобъ милый псѣ не наскочилъ на пень;
Тамъ всѣ охотники великолѣпно спроемъ,
Руссой подъ оспрова шекушъ передъ геросмъ.
Когда ты знакъ подашь, то внемля звукъ роговъ,
Въ минушу гончія спускающа съ смычковъ;
Дубравы красныя, мѣсна покоя, мира,
Гдѣ листья колеблешся лишь въяньемъ Зефира,
Внимающъ визгъ, и лай, и ржаніе копей,
Разнообразный звукъ и хлопанье бичей.
Но шумъ, смяшеніе съ необычайнымъ свистомъ,
Вьщуютъ, — зайчикъ нашъ уже на полѣ чиспомъ;
Борзья, гончія, выжляшники, псари
Несуща кучею, шамъ крикъ: „сюда! смопри!“
И всадникъ всадника шамъ въ конскую прышь гоцишь,
Ошъ шопоша копышь земная тяжестъ спонешъ.

Но ешьли, къ щаснію, заправленный звѣрокъ
Любимымъ псомъ твоимъ повергнешя у ногъ,
Тогда со всѣхъ сторонъ насшанешъ восклицанье,
Начнушь, сойдясь въ кружокъ, о славъ соспязанье:
Карпъ *Искръ* лавръ даешъ, Клипъ время улуча,
Къ тебѣ ласкаешя хвалою *Сорвага*.

Охотники, чьи псы безъ славы день скакали,
Обрашый правяшь пушь, склонивъ главу съ печали.

Сердишый на меня ты обраща взоръ,
Кричишь, что мой тебѣ наскучилъ разговоръ,
Что правлей пѣшишья минуло Россовъ время,
Что тягопишь войны свирѣное насъ бремя,
Что нашихъ праощевъ подъ гробовой доской
Спопами вражьими нарушенъ миръ, покой,
Что Лены съ береговъ, съ подошвы Чашьярдаха
Текушь опмспишели, не ощущая спраха,
Что Россы-воишы, олшаръ, соха, вѣсы,
Бѣдами возмужавъ въ ужасные часы,
Вспомня древній градъ, опмщеніемъ пылаюшь,
Любимому Царю усердшвуя вѣщаюшь:
„Знай, — не въ Москвѣ Москва, — она вся шамъ,
гдѣ ты. (61)

Ея холмисшыя оплакавъ высоты,
Опмспимъ поржеспвенно лютѣйшему ширану
За принесенную столицѣ древней рану;

Закроемъ льва сего ненасытимый зѣвъ,
Ударимъ, поразимъ; пусть наша мечь и пиѣвъ
Россію не одну спасешъ и воспрославишъ,
Европу цѣлую поносныхъ узъ избавишъ;
Злодѣя окропимъ мы камнями, свинцомъ;
Пусть лижешъ перешъ, пусть онъ, услыша Рос-
совъ громъ,
Едва дыша, бѣжишъ сквозь лѣсъ и бурны воды.
Тогда почувствуюшъ спѣсенные народы,
Что сей вселенной бичъ, шоль славимый въ бояхъ,
Для малодушныхъ былъ на Югъ диво, спрахъ.“

Недугъ препяшсвуешъ мнѣ шигра видѣшъ шравлю?
Я съ зайцами войной себя не воспрославлю.

Расиловъ! оцѣня похвальный швой опшѣшъ,
Я вновь осмѣлюся тебѣ подати совѣшъ,
Узнай, что ешъ еще на свѣшъ сосшоянше,
Гдѣ обрѣши легко опъ общесшва шнимаще:
Грѣхи писателей суди и обтѣвляй,
На счешъ шрудящихся лѣнивыхъ забавляй,
И оградя себя Фререровъ злыхъ шипами,
Играй безшрепеншо лавровыми вѣнцами,
Будь вкуса вывѣской и разума посломъ,
Сіяя въ круглый годъ двѣнадцашъ разъ умомъ.

Не мни, что надобно познание глубоко,
Ума обширнаго парение высоко;

Зоилкинъ выучишь, какъ помѣщаешь въ разборъ
Не доказательство, но ловкій разговоръ,
И книги не читавъ, о ней судишь исправно,
Какъ современниковъ своихъ язвишь забавно,
Мысль бѣдную неспришь излишествомъ цвѣшовъ,
Разсудокъ замѣняешь наборомъ колкихъ словъ.
Замысловатое сужденіе, игриво,
Понравился, хоша оно несправедливо.
Греми и обличай, поспылыхъ не жалѣй,
И жалуй въ умницы себя, своихъ друзей,
Брань пошкую плоды, и колкости Французски
Къ лицу природныхъ Музъ принаровляй по Руски.
Ты въ прозѣ и стихахъ пускай не образецъ,
Лавръ оцѣпавъ чужой, силснешь себѣ вѣнецъ;
Нѣшь нужды, что подѣ часъ и умъ и вкусъ обидишь,
Пошомства не страшись, — его ты не увидишь.

Коль журналистики не нравишься совѣшь,
Какъ хочешь, — у меня другаго лучше нѣшь.
Безумный Геростратъ, Ашилла звѣроправный
И громки на земли, но въ истинѣ безславны; (62)
Пошомство позднее упрекомъ шягошишь,
Аврелій съ ужасомъ ошь гроба ихъ бѣжишь.
Такъ лучше, удаля ошь мыслей звуки славы,
Вкушай семейныя, певныя забавы,

Свой кругъ живошвори, лелѣя мирный кровъ,
И окрестъ разсыпай избытки ошъ цвѣшовъ.
Коль будешь ближнему, Расиловъ, шы ползень,
То будешь въ обществѣ и славень и любезень.

Н. О. О С Т О Л О П О В У.

1821 года.

Поэтовъ словаря почтенный сочинитель, (63)
Заслушникъ испины, достоинства цѣнитель!
Я новости узналъ недавно о себѣ,
Порадуешься ты, какъ другъ, моей судьбѣ:
Сполѣнья на земли за половину жительство,
И мирный гражданинъ, подѣ семьдесятъ я лѣтъ
На Геликонѣ сѣлъ въ почтенный Музъ совѣтъ,
Пожалованъ теперь большимъ не въ шулку чиномъ,
У Феба сдѣлался придворнымъ господиномъ,
И какъ? нечаянно, безъ умысла и вдругъ.
Хоть я обшекъ большой на Геликонѣ кругъ,

Но, по несчастію, напрасно лишь совался,
И съ рюмою у горь подошвы оставался;
Подумаешь обо мнѣ былъ Музамъ недосугъ.
Привольныя мѣста навздники схватили,
И славу за собой при жизни укрѣпили.
Нашъ первый *Сказочникъ* едва глаза смѣжилъ, (64)
Харитамъ поклонясь, я съ *Розой* подспушилъ,
И получилъ въ отвѣтъ: „ты списывать природу?...
Французъ, предупреждая, всѣ кисти бросилъ въ воду.“
Къ Горацию хопѣлъ прижапсья въ уголокъ,
На время лишь, — и пушъ препяпспвовалъ злой рокъ;
Полимнія рекла учпиво, хопъ не леспно:
„Знай, — Ломопосову, Державину здѣсь шѣсно,
И именно, сударь, опъ Лириковъ, опъ вастъ;
Зачѣмъ карабкапсья безъ дара на Парнасъ?“
Услыша эшо, въ пушъ я новыи усшремился,
И дидактической Поэзіей плѣнился,
Къ Императрицѣ спалъ о Комикахъ писашъ, (65)
Законы Княжпину въ Трагедіяхъ давашъ, (66)
Я былъ при Рымпикѣ и съ Турками сражался, (67)
За Лафоншена честь и басенки вшупался, (68)
Пѣняшъ Сапширику Французскому посмѣлъ,
И за учпшельспво хвалы не пріобрѣлъ;
А послѣ принялся, чѣмъ славяпсья народы,
Дарпшъ Опечеспву Поэшовъ переводы;

Но Музы, говоряшь, лавръ берегутъ за нихъ
Совсѣмъ не для меня, а для подругъ своихъ. (69)
Я радъ, что званіемъ днесъ Музы опличаюшь,
Въ послѣдніе мнѣ дни блаженство обѣщаюшь;
Ты вѣдай, что меня *Сатирикомъ* зовушь,
Не медля и дипломъ съ Парнасса мнѣ пришлюшь.
Тушь либо воевашъ; — не будушь Журналисты
Прошивъ моихъ запѣй въ разборахъ голосисты.
Лишь молвяшь о стихѣ: „онъ водянь, не легокъ.“ —
Въ опвѣшь имъ подарю порядочный щелчокъ.
Злоумный человекъ всегда и правъ и силенъ;
Онъ доказательствомъ и клеветой обилень.
Саширикъ нынѣ я! о, это мудрено!
Доселѣ все Князя Саширики въ Россіи; (70)
Хвала Суворову! я Графъ не шакъ давно,
Когда онъ насупалъ на бурю злой стихин.
И мнѣль?... но ежели Саширикомъ я спалъ,
То самъ не вѣдаю, когда въ бойцы попалъ;
А чинъ согласенъ взяшь; воспоргами пишашь,
Что больше прописнымъ въ Поэсахъ не считаюшь.
На Ювспалія я, право, не похожъ, —
Пошлюся на себя, — кого и гдѣ обидѣль?
Когда въ писашель одно дурное видѣль? (71)

Противъ собратовъ я не изощрялъ мой поэтъ.
Саширы, право, духъ мнѣ никогда не сился;
Внезапно, вѣрно, опъ при старости родился.
Саширы не могу запѣйливо писашь,
Чужое не люблю хорошее ругашь. (72)
Хотя я Музою бываю не доволенъ;
Божуся, что *чужимъ здоровель я не боленъ. (73)*
Но ежели таковъ Парнаескій мой удѣлъ,
Чтобы мешашлемъ бышь ядовишыхъ спрѣлъ,
Нарушишь не дерзну я воли Аполлона,
Какъ скоро получу указы съ Геликона;
Саширикъ буду я зависникамъ на зло,
Въ Саширахъ прослыву Россійскимъ Буало. (74)

Ж И В О П И С Ц У М О Е М У.

1809 года.

Искусно ты меня, художникъ, написалъ, (75)
Съ опшѣнкой купно свѣшь волшебнo сочешаль,
И самъ чрезмѣрно радъ, что кончилъ трудъ счастливо.
Любуясь мастерствомъ, ты смотришь горделиво,
И громко говоришь: „спупай теперь, Хвостовъ,
Награду получишь достойную трудовъ ;
Спашь смѣло на ряду съ бессмертными творцами,
И, скромность опложа, красуйся ихъ вѣнцами;
Смотри, — наславникъ швой — Омиръ полночныхъ
спранъ, (76)
Тамъ Рускій Злапоустъ — бессмертный Теофанъ, (77)

Тамъ громкій Пиндаръ нашъ и Трагикъ Сумароковъ,—
Вънчашели заслугъ, гонили пороковъ,

Ты новый Апеллесъ, — я живъ на полощиъ,
Однако не далъ ты лавровой вѣшви мнѣ;
Пусть тайны испоцилъ всѣхъ живописныхъ правилъ,
Признаюсь, что себя, а не меня прославилъ;
Ты будешь, можешь бышь, искусства образецъ, (78)
А я остануся посредственный пѣвецъ.

Не лзя стѣсвивишься чужими здѣсь трудами;
Виной себѣ хулы, или похвалъ, мы сами.

Пусть мой портретъ внесушь шуда, гдѣ Рос-
совъ Царь

Щедрою своею поставилъ Музъ олшаръ,
Гдѣ въ ярости Сапуртъ, внимая пѣсни громки,
Бросаетъ, утомясь, косы своей обломки; (79)

Пускай всуплю въ чертогъ, — скажи, что пользы
въ помъ,

Что я съ Державинымъ сполкнусь лицо съ лицомъ?
Парнассъ давно гремишь, — Алцей и Флаккъ Россійскій
То на горы взлещишь Кавказскія, Алпійски,
То спроишь ревностно Царицъ пышный храмъ,
Которая вела насъ къ славъ по цвѣшамъ;
То, приглася къ себѣ пѣвца Анакреона,
Амура славишь съ нимъ, — Царя ушвхъ и спона,

Голубку приманишь съ руки своей клевашь

И сладко на его колѣняхъ засыпашь. (80)

Пусть тамъ подлѣ себя увижу я Хвостова (81)

На спѣнкѣ, въ рамочкѣ, шочь въ вшочь, какъ бы

живова;

Шушливый родичь мой вдругъ видишь свѣпъ и шѣпъ;

Пиррономъ бышь его не допустила лѣнь; (82)

На долгихъ на Парнассѣ, судей бояся спрогихъ,

Скорѣй другихъ попалъ, и далѣе былъ многихъ.

Въ сосѣдствѣ у меня являешся Шишковъ — (83)

Спражь добрый языка и нрава праощцовъ.

Зачѣмъ лице его задумчиво и спрого?

Онъ мало говоришь, но размышляешъ много.

Риѳмосплеташели! перо Шишкова бичъ

На шѣхъ, копорые порошь привыкли дичъ.

Чшо вижу близъ меня? мой охранитель-Геній,

Наперсникъ мудрости, почтеннѣйшій Евгеній, (84)

Копорый, кажешся, бесѣдуа со мной,

Мнѣ громко говоришь: „любимецъ Музъ, поспой!

Коль думаешъ себя стихами ты прославишь,

Спарайся въ полномъ ихъ сіяніи представишь;

Коль хочешъ лирою хвалы пріобрѣшашъ,

Пекись съ воспоргами искусство сочешашъ.

Талашъ, какъ молнія, блеснешъ и исчезаешъ,

Искусствомъ укрѣпясь, какъ солнце, онъ сіешъ.

Даръ можешъ щеголяшь спраничкою одной,
Съ искусствомъ даръ не зришь границы никакой.

Желаемъ посмотришь на образъ Каншемира ;
Хотя уже давно его умолкла лира,
Не можешъ умолчашъ въ своихъ Саширахъ онъ.
А мнѣ зачѣмъ лепѣшь съ Кубры на Геликонъ?
Скажи, зачѣмъ, коль пушь къ нему ушесисшь, скашюкъ,
Попомсшву опдавашъ лице мое въ задашюкъ?
При жизни похвала, безъ лести говоря,
Сіанья вѣчнаго единая заря.

Бѣда, когда хвалы пошомки мнѣ у¹маляшь;
Безсмершнаго всегда уже по смерти хваляшь.

Съ младенческа обрѣкъ я Музамъ жизнь мою,
Всегда охотно ихъ на Сѣверѣ пою,
Люблю Ошечесшва языкъ я превосходный,
Богащый нашъ языкъ и звучный и свободный.
Харисы къ пѣнію въ меня вселили жаръ,
Дерзаю приносишь имъ въ жершву малый даръ.
Всегда прелесшныя Парнасскихъ дѣвѣ союзы,
Всегда родяшь воспоргъ божесшвенныя Музы;
И въ нѣдрѣ праздности, и посреди шрудовъ
Ищу ошрадъ въ шѣни священныхъ мнѣ лѣсовъ.
Когда здѣсь умшвенно примѣръ вождей— Суворовъ,
Чудесный богащырь молніеносныхъ взоровъ,

Среди Пешрополя Европу облепалъ,
 Прошивъ громовыхъ шучь опводы учреждалъ,
 Оплошомъ заградилъ къ намъ льва набѣги смѣлы,
 Гошовилъ быспрыя на чалмоносцевъ спрѣлы;
 Премудросши рукой прославясь на войнѣ,
 Герой участіе въ сихъ шайнахъ ввѣрилъ мнѣ.
 Я въ Трою мысленно тогда лешалъ безъ страху,
 И выгадавъ часокъ похишишь Андромаху. (85)
 Пусшь на меня за шо неложный Фебовъ сынъ,
 Наперсникъ славный Музь, разсердится Расинъ;
 Я справедливаго не опасуюсь гнѣва,
 И не боюсь равно Зоиловъ лошыхъ рева.
 Пускай озлобяшся, шерзаюшся, шипяшъ,
 Пускай въ неисповспвѣ люшъ свой черный ядъ;
 Они, какъ врагъ ночный, угрюмы, мрачны, грубы.
 Что нужды до шого? пусшь изошряюшъ зубы;
 Люблю священныхъ дѣвъ, люблю пишомцевъ ихъ,
 И не смошрю на вопль дѣшей Парнасса злыхъ.
 Но если возразяшъ,—шолпа ихъ вспанешъ снова,—
 Чѣмъ оправдаешся, что имъ въ опвѣштъ?... ни слова!

Моя въ бесѣдѣ Музь пріятно жизнь шечешъ;
 Признаюсь, для меня Зоиловъ въ свѣшѣ нѣштъ.
 Когда я чисшыхъ дѣвъ вниманья удосшоенъ,
 Между Зоилами оспануса спокосенъ.

Забочусь каждый день представивъ на бѣло

Законодателя Поэшовъ — Буало. (86)

Что можно, — дѣлаю, а если не успѣю,

Опшъ сердца чистаго безъ желчи самъ жалѣю.

Не для того спремлюсь я древнихъ по слѣдамъ,

Чтобъ воздвигашь себѣ безсмернѣя въ жизни храмъ.

Что нужды? — пусть пишу для пользы иль забавы;

За трудъ не требую, и не нуждаюсь славы.

ГРАФУ ГРИГОРІЮ СЕРГѢЕВИЧУ

С А Л Т Ы К О В У. (87)

1805 года.

Не милый Тиволи, не гордый Тускуланумъ,
Хочу тебѣ въ стихахъ, пріятель мой, воспѣть;
Тамъ Консуль помѣшалъ злодѣю бышь шпіраномъ,
Тамъ пѣжный Флаккъ любилъ на лирѣ пѣжной пѣть,
Уже брадашые лѣтъ давнихъ грамошей,
Сѣдиной двадцати вѣнчаные вѣковъ,
Вишніи и творцы пресладоспныхъ стиховъ
Намъ чужды, пѣснь глася для Вакха и для Реи.
Иные Москвичамъ пошребны шолкъ и вкусъ;
Не въ модѣ имена кончащіяся на *усъ*.

*

Безъ закаланія ягненка въ честь кумиру,
Безъ плюща гибкаго, цвѣточнаго вѣнка,
Мы славя красоту, злашую спроимъ лиру,
Копшорая подъ часъ пріятна и звонка.

Намѣрень описашъ тебѣ свои забавы;
Оспавя древности я Цирки, Ипподромъ,
И Капишолію, опколѣ брани громъ
Вселенную обшекъ для Римлянъ гордыхъ славы,
Скажу тебѣ, что здѣсь на шумные лиры
Съ богашсшвомъ, роскошью разсыналъ вкусъ дары,
И воздухомъ дышу я въ поясѣ не знойномъ.

Пускай угрюмый Нордъ, опецъ свирѣпыхъ чадъ,
Въ нашъ сыплешъ гордо край снѣга, мятели, градъ;
Въ кивотѣ зеркальномъ пріятномъ и спокойномъ,
Лечу въ *собраніе* для сладосшныхъ опрадъ. (88)
Тамъ люшой нѣшъ зимы, шамъ юная весна
И плодоносное, избыточное лѣпо,
Все въ ризу торжесшва и радосшей одѣшо;
Тамъ Фебъ къ Тешидѣ въ домъ не скапишся для сна.

Россійскіе дворяне

Смѣкнули, удаля пировъ нарядныхъ звы,
Средь бѣлокаменной поспроишъ домъ Москвы,
Куда Алжирцы бы, Французы, Персіяне
Полюбовашся имъ издалека пришли.
Такова, право, нѣшъ собранья на земли,

Такова не было ни въ Римѣ, ни въ Парижѣ;
Грѣшно забыть Москву, она и къ сердцу ближе.
Не все то золото, что свѣтлится въ дали.
Недѣлю каждую черпогъ въ Москвѣ чудесный
Гоповишь пиршество, собирая сонмъ прелестный;
Съ улыбкой нѣжною, подъ связкою цвѣтовъ
Приносяшь *радости* обиліе оковъ.
Тамъ спрой безчисленный боги Олимпа спашныхъ,
Обезоруженъ Марсъ среди красавицъ знашныхъ,
Гуляешь купидонъ съ колчаномъ за спиною;
Тамъ роскошь, нѣга, вкусъ, природа и искусство,
Сплещась руками межъ собой,
Условились прельстись, разспроишь умъ и чувство.
Гармонія! ты нашъ въ воспоргъ приводишь духъ,
Когда чрезъ хищрыя Орфеевъ новыхъ руки,
Ліясь по воздуху, плѣняешь нѣжный слухъ,
И сладкіе своимъ смычкомъ раждаешь звуки.
Какъ быспро ключъ печешь, иль въ яросли Перунъ
Верхи срывая горъ, свои бросаешь стрѣлы:
Такъ сыплещя огонь съ горящихъ лирныхъ струнъ,
Такъ сердцу говоряшь безъ слова звуки смѣлы,
Гдѣ Френцель, Элуа и Родѣ-Амфіонъ,
То чувствва упомя, уныніе раждаютъ,
То извлекають спонъ,
То насъ въ пріятную задумчивость склопяють.

Какъ эхо громкое спихаешь въ далекъ,
Такъ умираешь звукъ, порхая на смычкѣ.
Здѣсь бронзы, серебро, кристаллы и фарфоры
Приносишь за полночь съ *Цибеллою Силенъ*,
И *Вакху* жертвенный шамъ споль сооруженъ;
Съ бреговъ Америки плодовъ различныхъ горы

Маняшь Лукулловъ нашихъ взоры.

Здѣсь милый Шолію, пріятный Салпыковъ,
Любишель звучности, жрецъ Музы неприлѣжный,
Поэшь своихъ друзей чувствившельный и нѣжный,
Средь радосныхъ забавъ, веселія, пировъ,

Харишь прелестныхъ угощаешь,

Разумной шуткою прельщаешь

И льешь рѣкой,

Свободною рукой

Нектаръ Французскихъ странъ, прозрачный сокъ
пѣнистый,

Играющій въ стеклѣ, какъ лучъ средь моря чистый;

Чудесно быспро онъ на шронъ ума вспорхнешъ,

Прогоишь мысли черны;

Топчасъ разсѣются онъ, и бури нѣшь.

Успуишь первенство ему и сокъ Фалерны,

Кошорос старикъ Θεосскій пилъ давно,

Пускай оно

Сстихи ему внушало плавны,
Пріяшныя, забавны.

Всѣхъ лучше въ свѣтѣ винъ Шампанское вино;
Съ нимъ Иппокренскія пекутъ быстрѣе воды,
И часто новое имъ чувство рождено —
Воспѣшь любви законъ и прелести природы.

Ты ихъ превозноси, Поэтъ,
Средь радостныхъ сущь, (89)

Съ такою славою, какъ лирой крася руки,
Державинъ, Дмитриевъ, Нелединской, у насъ
Умѣли пѣть любовь, насроя пѣжный гласъ.
Возможно согласить Поэтовъ древнихъ звуки
Съ пріяшнымъ обществомъ, съ Эрапинымъ смычкомъ;
Францеску, Фридриху военныхъ звуковъ громъ
Не помѣшалъ любить науки.

ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ СЕРГѢВИЧУ

СТРОГОНОВУ. (90)

1789 года.

Ты, Строгоновъ, далекъ ошъ скуки;
Благошвореніе, науки
И Музы, вкусъ примѣшя швой,
Даряшъ веселье и покой.
Я видѣль скуку въ пышномъ санѣ,
За каршами и на диванѣ;
Видалъ нечаянныхъ вельможъ,
Кошорыхъ шѣшишь леснь и ложъ;
Видалъ и шо, какъ сукъ богиня
Сидя безъ дѣла, рошъ разиня,

Для прибавленія шоски
Макъ сыплешь щедро изъ руки.
Но ты, мудрецъ, хопя вельможа,
Вспрѣчался развѣ чшо въ госняхъ
Съ тяжелой скукой на пирахъ.
Злапо-алмазные черпоги
Не кажутъ счастья въ храмъ дороги,
Не любяшь радости прикрасъ;
Собою сами вселясь
Среди избышковъ и покою,
Сажденныхъ мудрою рукою,
Искусивъ изящнѣйшихъ въ пѣни
Проводяшь радостные дни.
Блеснящія подъ часъ забавы
Скрываюшъ межъ цвѣшовъ оправы,
Алчба чесшей — ширанъ презлой
И пышности призракъ пусшой;
Природы нѣшь, но ухищренье,
Для душъ и для сердець мученье.
Тамъ вихри, головы кружа,
Минушою обворожа,
Не рѣдко грусшей вѣкъ гошовишь,
Зоиль завидуешь, злословишь;
Корысти жаждя Гарпагонъ,
Мечтаешь усыпишь законъ;

Лягушкой дуется кичливый;
Ползешь въ правъ, какъ червь, прусливый;
Встрѣчается и шамъ и здѣсь
Разнообразныхъ видовъ смѣсь;
Съ чеснымъ въ ряду идешь бездѣльникъ;
Одинъ такъ поспень, какъ сочельникъ,
Другой на праздники похожъ.
Вошь счастье мнимое вельможъ!
Не мни, что я плывешь корысшью,
Примашкою другихъ оправъ,
Изображаю черной кисшью
Вкусенье сладкое забавъ.
Сѣдя поширая волны,
Плывешь корабль, сокровищъ полный,
Морей свирѣпыхъ по верхамъ,
Смѣясь плещущимъ волнамъ.
На маломъ челнокѣ средь міра
Люблю я вѣянье зефира;
Я счастливъ въ участи моей
Безъ пышности, безъ лести, ключей;
Мои сокровища въ Темирѣ,
Дышу для ней, брещу на лирѣ
Въ свободный для забавы часъ;
Или пою, возвыся гласъ, —

Среди войны цвѣшущь науки
И лирь не умолкающь звуки.
Когда же щастливь человекъ,
Коль не въ Екатерининь вѣкъ? (91)

НИКОЛАЮ ФЕДОРОВИЧУ

О С Т О Л О П О В У. (92)

И прежде я писалъ къ тебѣ,
Когда забывъ свирѣль и лиру,
Искалъ диплома за сапиру;
Теперь, благодаря судьбѣ,
Спезю покинувь Ювенала,
Про нѣжную любовь Фингала,
Про власть на зрѣлищахъ кишжала

Хочу бесѣдоватьъ съ побой.

Къ тебѣ уже не равнодушны
Морскія силы и воздушны;
Слуга, ремесленникъ, герой,
Приказу своему послушны ;
Тебѣ Аѳинъ и Рима боги
Ошверзли дверь въ свои чертоги,
Олимпъ теперь въ твоихъ рукахъ.
У Грековъ дивное искусство,
Являя купно звучность, чувство,
Сіяешь въ пламенныхъ лучахъ,
Земли пространство обшекаетъ
И смертныхъ лирой привлекаешь,
Какъ Аполлонъ среди весны,
Пишая жизнь страны.

Софокловой источникъ славы — (93)

Театръ, подъ именемъ забавы
Суровые смиряя нравы,
Изящный водворяетъ вкусъ.
Любимецъ благотворныхъ Музъ !
Къ словесности являя ревность,
Пекися воскресить намъ древность,
И громкую Аѳинянъ честь
Умѣй въ Цезрополь перенести.

Кустокъ цвѣтущихъ розъ весною,
Лія въ окрестностяхъ рѣкою

Душистый, свѣжій ароматъ,
Къ любви склоняешъ пѣжныхъ чадъ;
Восхищаясь алыми листьями,
У розы Грація сидишь; (94)
Бояся, коль зэфиръ лешишь,
Что стебель покачнешъ крылами.

Таковъ для счастливыхъ сердецъ
Акшеръ, иль пламенный пѣвецъ.
Небесной силы доброхотство
Низпосылаешъ превосходство.
При стеблѣ тонкомъ какъ цвѣтокъ, —
Даръ аромашень и высокъ.
Лелѣй его, — увидишь вскорѣ,
Что устремляя пушь черезъ море
На быстро-дерзкомъ корабль,
Сіяешъ и въ чужой землѣ.

Талантъ услыша окрестъ плески,
Оковы сброся вещества,
Какъ лучъ, какъ искра божества,
Къ эоору пушь находишь дерзкій;
Сышь одобренія гошовъ
Искашь невѣдомыхъ міровъ.

Корнель въ чертогахъ Мельпомены (95)
Просперъ свой далеко полешъ;
Успѣхомъ восхищаясь Химены,
Онъ удивилъ Парижъ и свѣшъ.

Открылася чудесъ цѣпь длинна:
Горацій, Поліевкшъ и Цинна,
Сершорій, Родогуны ковъ,
Весь Римъ съ величествомъ сыновъ,
Медеи хипрой чародѣйство —
Театру славное наслѣдство.

Расину съ Андромахой Пирръ (96)

Являюшъ сердца шайный міръ;
Любовные вѣщая споны
Монимы, Федры, Герміоны,
До спрагъ небесныхъ возлещѣль;
Онъ Юдая духъ воспѣль.

Въ Россіи Озеровъ чудесный (97)

Цѣня прісмъ Эдипу лесный,
Дерзалъ на вышній Пинда холмъ;
И вдругъ у гроба Поликсены,
Мечшая слышашъ неба громъ,
Мечшая видѣшъ лавръ зелсый
Шипящія змѣи въ успахъ,
Умолкъ, — и Геликонъ въ слезахъ
Лобзасшъ пѣснопѣвца прахъ.

Средь общаго напуры шира
Въ опшѣникахъ блещешъ Божество;
Возможноль зрѣшъ въ пространствѣ міра
Однообразно вещество?

Иные думаютъ напрасно,
Что превосходство самовластно
Спѣснишь другихъ даровъ воспоргъ;
Лунѣ, звѣздамъ есть свой черпогъ,
Свои планшамъ атмосферы;
Не всѣ писатели — Гомеры.

Вкусъ Публики, Поэшовъ даръ,
Оспеняешь репершуаръ.

Тартюфовъ, барьней ученыхъ, (98)

Агнесъ къ опекунамъ студеньихъ

Раждаешь на земли Парнасъ

Пускай не въ каждый годъ и часъ ;

Но для Гресема и Пиррона (99)

Есть уголокъ средь Геликона.

Въ зашѣйливыхъ играхъ своихъ,

Пѣвцовъ нелѣпныхъ и сухихъ,

Или клеветниковъ злоумныхъ

Они схващя средь обществъ шумныхъ,

Ташру могутъ подарить,

Всѣхъ спранъ пошомство веселишь.

Украся ловкими словами,

Поспигнувъ сердца жаръ въ крови,

И Мориво обманъ любви (100)

Предсавилъ живо предъ глазами.

Его зашѣйливая рѣчь
Умѣешь зришелей, привлечь.
Опасный пушь соревнованья
Огонь сугубишь дарованья.
Вспуши въ Темпейскій древній лугъ
И шелковидный, и широкій,
Увидишь ясно холмъ высокій.
Злашихъ смычковъ шамъ сопни вдругъ . . . (101)
Пипомцы гордой Мельпомены
Спѣшащъ похишишь лавръ зеленый;
А шамъ правдивый Геродощъ
Цѣпь подвиговъ въ позднѣйшій родъ
Дерзаетъ въ образецъ предсшавишь,
Сыновъ опечесшва прославишь.
Аплешовъ разума игры,
Вниманьемъ окриля дары,
Недоумѣніе развяжущъ
И къ превосходшву входъ покажущъ.
Фидія! славный швой Зевесъ
Спустился, кажешся, съ небесъ;
Предъ олшаремъ сокровищъ груды,
Треножники, сполы, сосуды
И злашюкованны вѣнцы —
Свидѣтели, чшо въ храмъ пѣвцы

Ихъ благодарные приносятъ,
Когда у Феба лиры просятъ.
Разнообразія предметъ —
Зазывный Обществу билетъ.
Склоня на свѣшлый блескъ Элады
Безупомишельные взгляды,
Украсть Россійскихъ Музъ олшарь,
Писатель, ревностно богатый!
Обильныя принесъ намъ жашвы
Твой стихотворческій Словарь, (102)
Средь разцвѣщающаго сада —
Свѣшло горящая лампада.
Похвальный прудъ усугубляй,
Равно на поприщахъ искусства
Поэшовъ и Арписшовъ чувства
Совѣтомъ дружбы одобряй ;
Талантъ примѣня въ колыбели,
Зеленымъ лавромъ забавляй.
Когда талантъ доспигнешъ цѣли,
Вкуси ты чистыхъ плодъ сердець,
Ликуй, чужой любя вѣнцъ.

П. П. С В И Н Ъ И Н У.

1811 года.

Пусть непріятною, зависливой судьбою
Насъ Комусь не сближалъ въ опечесивѣ съ тобою;
Но живописецъ ты, — и слѣдственно Поэтъ,
Всѣ Музы сродницы, взаимность ихъ обѣтъ.
Тобѣ любезенъ вкусъ, тебѣ мила словесность;
Лечу къ соземцу я въ чужую поднебесность.
Парнасскій конь крылатъ; воздушною стезей
Пространство прелешя разгнѣванныхъ морей,
Знакомство южное мнѣ въ сѣверѣ доставишь,
Поклоны Рускому ошь Рускаго оправишь.
Онъ изъ Европы въ мигъ въ Америкѣ тебѣ
Вручишь мои стихи при брашцовомъ письмѣ. (103)

Увидя новый свѣтъ, ты новыя пьешь воды,
Срѣтая прелести невинныя природы,
Гдѣ въ ризу чистую одѣтое крутомъ,
Безъ шучь, безъ облаковъ, на сводѣ голубомъ
Свѣшило—міра жизнь—льешь щедро свѣтъ прелестный.
О плодоносный край, край на земли небесный!
Оспрадная дышишь повсюду теплоша,
И вѣчный пѣжишь Маіи прекрасныя мѣсяца,
И Флорой спелюшся ковры ея богаты,
Даря съ улыбкою Зефирамъ ароматы,
И чудный водопадъ, спѣша съ крутыхъ холмовъ,
При солнцѣ съ серебромъ сливая блескъ цвѣшовъ,
Едва низвергнется, кишишь, роснешь и вскорѣ
Являешь не рѣку, не озеро, но море. (104)
Тамъ островъ средь дву-жерль,—на немъ деревья, плодъ,—
Висящимъ кажешся въ пучинѣ бурныхъ водъ;
Тамъ радугъ тысячи, играя въ шверди звѣздной,
Переломляюшся и плаваюшъ надъ бездной.
Сердитыя взбѣжавъ другъ на друга бутры,
И съ шумомъ раздробясь о камни вдоль горы,
Древъ выше спелюшся, составясь облаками,
И зряшся въ воздухъ ходящими холмами.

Альвары на брега за южный океанъ
Ты для служенія опечесшвомъ избранъ,

Гдѣ Альбіона сынъ, премудросшью внушенный, (105)

Ярму невѣжества народъ порабощенный

Обильемъ награда, въ сіяніе облекъ

И новый Нилъ обрѣлъ средь новыхъ въ югѣ рѣкъ;

Вездѣ благошворя, въ число своихъ профеевъ

Исторекъ у неба громи и скипетръ у злодѣевъ, (106)

И шѣмъ достойную награду получилъ,

Чшо счастьемъ цѣлыя народы надѣлилъ.

Въ долину видишь садъ богатыя природы,

Рисуешь быстрыя, пышательныя воды,

И мысль свободную на весь раскинувъ міръ,

Самъ наслаждаешься, пашуры срѣшя пиръ.

Твое вкушеніе и болѣе прелесно,

Коль въ югѣ обрѣшя соземца сердце честно,

Которое среди пашуры дней злыхъ

Скучаешь и скорбишь при мысли о родныхъ,

Средь шума громкаго бесѣдъ уединено,

Съ безцѣнной родиной надолго разлучено,

Ты грустишь въ немъ облегчишь привѣщаніемъ своимъ

И самъ опечесива пріятный вспомнишь дымъ. (107)

Я, возделѣанный домашними богами,

Любуюся Невы гранишными берегами.

Пусть люшая зима къ намъ шолько на сто дней

Пускаешь Фебовыхъ огонь пынущихъ коней, (108)

Кичася отпраельми царица водъ своими,
Играспъ зданія съ верьхами золошыми;
Ликующій народъ по милымъ оспровамъ
Дни лѣша посвяшилъ прохладѣ и пирамъ.
Пуспъ не цвѣшупъ для насъ лимонныя дубравы,
Мы создали себѣ чужихъ искусствъ забавы,
Мы ихъ изъ шайниковъ природы извлекли,
Богапсшво разныхъ спрапъ къ себѣ перенесли.

Воспѣшый мною храмъ, гранишныя громады,
Дыша величіемъ, обворожающъ взгляды. (109)
Здѣсь наши Зевксисы искусствомъ рукъ своихъ
Изображающъ Духъ, сходящій съ мѣспъ свяшыхъ; (110)
Нешпунъ, любуяся скопленьемъ водъ богапшымъ,
Здѣсь поприще открылъ Везувіямъ крылашымъ; (111)
Гиганшы дерзкіе, копорымъ кормчій вѣспрѣ,
Гласяшъ у васъ въ моряхъ, кшо былъ Великій ПЕТРЪ.

Обишель славная Фидіевъ, Праксипелевъ, (112)
Черпогъ Вишпрувіевъ, Парразіевъ, Апелловъ,
Гдѣ Маршосъ, Рокошовъ, Баженовъ, сонмъ другихъ,
Художеспвъ похвала, соземцевъ чеспъ своихъ.
Тебѣ покорено моихъ обѣшовъ чувсшво, (113)
Когда опсчесшву пы въ даръ принесъ искусствво,
Явя на полошнѣ усердною рукой,
Какъ, опложа шеломъ, покоишся герой.

Предъ храма зданіемъ ваяніе високо
Плѣщяетъ чувства, мысль и удивляетъ око. (114)
Иль древній Фидіасъ, шоль славный по молвъ,
На поклоненіе принесъ его Невъ?
Се Петръ—премудрый Царь, коварства побѣдитель,
Обширныхъ обласпей шворецъ и просвѣщитель,
На каменный ушесъ внезапно насканаль,
И змія зависши шипящаго попраль;
Не движа усшъ, гласишъ, давая знакъ рукою:
„Россія первою пребудетъ въ вѣкъ спраною;
„Труды мои для нсй — блескъ упренней зари —
„Полуднемъ озаряшъ пошомшвенны Цари.“

Тамъ вижу зданіе огромной колонады, (115)
Въ кошорое несущъ Трипоны и Наяды,
Трубя въ свои рога, ныряя средъ воды,
Цвѣщисшый Акажу и сладкіе плоды.

Кшо хочешъ древнія въ Европѣ зрѣшь Аѳины,
Войди въ шайншвенный чершогъ Екатерины, (116)
Гдѣ пресшупленію была и казнь и мсшь,
Чшобы дурныхъ сшпиховъ десяшка два прочесшъ;
Гдѣ баснословные народовъ древнихъ боги
Сшеклися украшашъ Царей моихъ чершогы.
Не баснословіе одно я вижу шамъ, —
Шовсюду прслесши, нашурьы цѣлой храмъ;

Мнѣ представляюща сокровища безсчислы:
Тамъ дышешъ полно, и краски всѣ безсмерсны;
Тамъ изумрудъ, алмазъ, тамъ бирюза, сапфиръ;
Въ богатствѣ споряща Голконда и Сибирь;
Серебряныя тамъ, златыя Озириды,
Зрю, — въ воздухѣ висящъ сады Семирамиды.

Здѣсь вдовъ прибѣжище⁽¹¹⁷⁾, тамъ Эскулаповъ домъ⁽¹¹⁸⁾,
Циклопы тамъ куютъ на злыхъ Титановъ громъ⁽¹¹⁹⁾,
Тамъ замки Плутона⁽¹²⁰⁾, здѣсь образъ Геркулеса⁽¹²¹⁾.
Не лзя изчислишь звѣздъ въ чертогахъ у Зевеса,
Не можно и громадъ опредѣлишь числа,
Которыя рука художествъ вознесла.

Великолѣныя влекутъ къ воспоргу виды:
Люблю величье и простоту Тавриды, ⁽¹²²⁾
Люблю искусства я Грековъ величашъ;
Природы, вкуса въ нихъ являюща печать.
Потомъ склоняю путь къ пріятелю въ хоромы,
Который некогда Россіи двигалъ грома, ⁽¹²³⁾
Который въ мирный кровъ науки водворилъ,
Своимъ и Музъ друзьямъ свободный путь открылъ.
Тамъ часто краски, кисти — Кипренскій мой
пріемлешь; ⁽¹²⁴⁾

Имъ оживленный видъ вѣщаешь, рѣчи внемлешь, —
Въ изображеніи лицъ для многихъ образецъ;
Но честь Кипренскаго, и слава, и вѣнецъ —

Корсаковъ; — все на немъ испощено искусство,
Пріяшство на лицѣ, въ глазахъ доброшы чувство;
Сидишь, облокопясь, въ хламидѣ при огнѣ,
Рѣшаешь, кажешься, споръ Музъ на полошнѣ.
Всѣ думающъ, что онъ смопръ вниманья взоромъ,
Бесѣдуешь нѣмымъ съ Ребраншомъ разговоромъ,
На изваяніе Козловскаго глядишь,
Иль хочешь въ руки взять волнистый малахитъ.
Являешь въ картинѣ лицъ самой природы свойство,
Вопъ совершенное въ искусствѣ превосходство!
Но мнѣ, слѣпцу, не лзя о краскахъ разсуждать;
Ты можешь живопись судишь и украшать,
Ты можешь прелести Америкъ природы
Волшебной кистию въ края принести холодны.
Россію озаря наукъ, искусствъ лучи,
Сроднили съ нею шверды и дальнихъ водъ ключи.
Петровой силою хранимые въ полешѣ,
Мы черпалемъ радости для Норда въ новомъ свѣшѣ.
Когда унынья духъ въ опечесствѣ погасъ,
Открылись торжества, веселія для насъ.

Давно ли Голіафъ, киченьемъ упоенный,
Богатствомъ Сѣвера и счастьемъ раздраженный,
Уже мечшалъ, простря взоръ хищный до Москвы,
Что можешь заглушить и громкій шумъ Невы,

Что преклоненную народовъ видя выю,
Онъ можетъ изложить огромную Россію.
Европа думала, что это — самъ Зевесъ;
Но Россъ сошелся съ нимъ, — и вождь побѣдъ исчезъ.

Осеннихъ вечеръ дней намъ сокращающъ Музы,
Обильно лья струи прозрачной Арсфузы;
Онъ шлющъ съверу съ двухолмныя горы
Пріянности бесѣдъ, искусства и игры.
Пускай съ побою мнѣ свиданіе безсрочно,
Скажу соземцу я: „люби меня заочно.“

Г. Т О Н Ч И,

СЛАВНОМУ ЖИВОПИСЦУ ОТНОСИТЕЛЬНО СИСТЕМЫ

О ПРИЗРАКАХЪ. (125)

Различныя въ семь мѣръ

Сисшемы мудрецовъ:

На землю жившъ въ Омирѣ

Спускался сонмъ боговъ;

При безпредѣльной власши

Даны безплошнымъ спрасши.

Въ огнѣ Царя небесъ

Иные почишали;

Для множсшва чудесъ

Иные разсышали

Всѣ виды божсшва

Въ былинкахъ еспесшва;

Другіе говорили,
Что смерти нѣтъ съ косою,
И тварямъ подарили
И жизнь и видъ иной.
Топъ небо разширяешъ,
Топъ вихри погоняешъ,
Всѣ думаютъ лешать
И въ солнцѣ обиташъ;
Но бредни ихъ чудесны
Намъ въ сказкахъ лишь прелесны.
Миръ вѣчности въ покой,
Не сбившия ни мало,
Идешъ, какъ вспарь бывало,
Своею чередой.
Вселенныя Строишель
Намъ зданье показалъ;
Но какъ шворилъ Зиждишель,
Мудрѣйшимъ не сказалъ.

Вкушая жизни сладость,
Лѣтъ давнихъ мудрецы,
Пріятносшей шворцы
Вездѣ являли радость;
Но емерши намъ сады
Прохладные сулили,
Жизнь полную бѣды
Они живошворили;

Нашуры красоты,
Древа, кусты, цвѣты
Роскошными руками
Садилы передъ нами,
Сказавъ, что мы Цари,
Мы боги; олшари
Намъ часно воздвигали,
Мы міромъ обладали.
Тогда по всей земли
Забошъ и сукъ не знали;
Всѣ пѣли и скакали,
Душею всѣ цвѣли,
Сердцами обручались,
Въ ушѣхъ погружались.
Ты, позднихъ лѣшъ мудрецъ,
Снимаешь съ насъ вѣнецъ;
Кричишь: „вся прелесшъ міра,
Героя мечъ, порфира,
Блескъ яхоншовъ, сапфира,
Благополучный бракъ,
Не вещи, а *призракъ*;
Мы воздухомъ не дышемъ,
Не видимъ и не слышимъ,
Что осязаемъ, шо —
Мечта или ничшо.“

Зачѣмъ, мудрецъ ревнивый,
Споль выдумки счастливы
У смертныхъ похищаешь,
И радостей лишаешь?
Иль мало наши спрасни
Приносяшь намъ напасни?
Не нужно множишь ихъ.
Все то, что здѣсь имѣемъ,
И чѣмъ гордишься смѣемъ,
Въ играхъ ума пусныхъ
Ты злобно отнимаешь,
И смертныхъ представляешь
Безчувственныхъ, слѣпыхъ.

Когдажъ необходимо
Ты мнѣнїе любимо
Захочешь утверждаешь, —
Хотя и нѣтъ причины
Призраки умножаешь, —
Сожги свои каршины.

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

П И С А Р Е В У.

1819 года Апрѣля 7 дня.

Я грамотку твою не чрезъ коней крылапыхъ (126)
Вчера съ веселіемъ исправно получилъ.
Средь радости, поржесшвъ о милоспяхъ богашыхъ, (127)
Спѣшу, усердіе пріемля вмѣсто криль,
Прельщенный запахомъ Персидскаго щербста, (128)
Пишомцу шакшики, пишомцу Музъ и свѣша
Сказашъ привѣшсшвіе посланниковъ небесъ,
Заочно говоря ему: „Хрисшось воскресъ.“ (129)

Еще не охладѣлъ я дружества къ союзамъ,
Есть сердце у меня для жертвъ священныхъ Музамъ;
Могуль не чувствовашь къ себѣ любви швоей?
Ты первый огласилъ о ревности моей,
Ты первый всѣхъ моихъ окаменилъ Зоилонъ.
Подъ сѣнь швою склонясь Обжоркинъ и Расиловъ, (130)
Безъ шума, съ робосшью, упрясь на косшыли,
Не спорю, съ ошдыхомъ счасшливо добрели . . .
Но знаешь ли куда? . . . къ подошвѣ Геликона, —
Съ собою всѣхъ сесшриць и брашцевъ провели. (131)

Ты первый ихъ послалъ, любимецъ Аполлона,
При сущей спаросши зрѣшь чужеземный свѣшъ,
Въ Сшамбуль чванишься на парчевомъ диванѣ,
Алое обоняшь у Шаха въ Тегеранѣ, (132)
Лаская Визирей нахмуренный совѣшъ.
Большая Музъ чесш и лесшная награда —
Шашаясь по рукамъ, блуждая въ градъ изъ града,
Досшигнушь счасшя — Сулшановъ усыпляшь,
И золу лишнюю изъ шрубокъ изшребляшь.

Счасшливъ шшпомецъ Музъ, коль онъ избѣгнешъ Лешы;
По смерши испинно забвешья избѣжишь,
Чьи плавшые спихи любовию согрѣшы,
Кшо ближнихъ счасшiemъ и правдой дорожишь.

Я пынь счастливь самъ, въ Колхидѣ у Язона
 Мои стихи въ рукахъ, и ихъ чишаешь онъ;
 Не славный рыцарь жень, не древнихъ лѣтъ Язонъ,
 Кошорый взялъ руно волшебствомъ у Дракона,
 Но современникъ нашъ, Россійскихъ честь знаменъ, (133)
 Аракса бодрый спражь, воспочныхъ другъ племенъ.
 Онъ, если промысломъ небеснаго совѣша,
 Паденье сбудешся гробницы Магомеша,
 Чрезъ воды бурныя, глубокіе пески
 Вновь къ славъ поведешъ безшрепешныхъ полки,
 Какъ шуча грозная, передъ луною шанспъ,
 И свыше ополченъ, на Мекку сильно грянешъ;
 Имъ вознесешъ свое чело Іерусалимъ
 И окреспъ воспаришъ священной жершвы дымъ.

Свѣшъ Вѣры возсіялъ и свѣшъ наукъ съ воспока.
 Я Вельяминова горжуся похвалой; (134)
 Онъ шамъ, гдѣ солнца лучъ живишельный, злашой
 Свой первый блескъ сливалъ съ жемчугами пошока,
 И пасшвы озарилъ чудесной красошой, —
 Дщерь плодоносная роскошныя природы —
 Земля невинная въ первоначальны годы
 Дарила жишелямъ избышокъ щедро свой, —
 Съ дремошой юный міръ Орфеи разлучили,
 Гармонію, любовь и Музъ въ немъ водворили.

Не жажду, Писаревъ, я суешныхъ похвалъ,
И членомъ не хочу бышь въ обществѣ Брамицовъ;
Но лестень, признаюсь, ошъ друга Мадригалъ,
Люблю, коль хвалишь ты и хвалишь Вельяминовъ,
Пріяшельски скажу тебѣ, Герой-Поэпъ,
Мнѣ ваша похвала на шарости — щербепъ.

Тамъ пажишь шучная пестрѣеся спадами,
Тамъ лозы сочныя съ румяными плодами,
Пріятный въ воздухѣ шамъ аромашъ цвѣшовъ,
Зефиры тепчущя съ лиспочками кусшовъ.

Согласенъ я съ тобой; но сельскія каршины,
И холмы, и луга, и мирныя долины,
Природы красныя однообразный видъ
Черезъ сушокъ нѣсколько вниманье ушомишь.
Ты, высшавя свои доводы и причины,
Мнѣ скажешь,—мирныя спокойнѣе долины,
Спокойство на земли швоихъ заботъ предметъ;
Но жишели полси не чужды міра бѣдъ.
Какъ цѣпь желѣзная жемчугомъ изпщрена,
Изъ скорби, радостей такъ жизнь совокуплена.
Пусть міра зримаго плѣняетъ насъ краса, —
Духовный міръ свои являетъ чудеса.
Здѣсь вѣра чистая, сама любовь съ надеждой,
Украся смершнаго небесною одеждой,
Сквозь бури грозныя проводяшъ по цвѣшамъ,
Благошворенія въ угодный Богу храмъ.

Къ нему усердные шы обращающа зоры,
Поспигни мудрецовъ дней первыхъ разговоры;
Они, оставя лѣсъ и дикой дебри степь,
Тяжслую прервавъ недоумѣнья цѣпь,

И общежитіе на землю водворили,
 И сладость ошъ бесѣдъ взаимныхъ подарили,
 Владычествво ума на весь просперли міръ;
 Закона гласъ гремишь и звукъ смиренныхъ лиръ, —
 Мужъ добродѣтельный къ эѳиру взоръ возводишь,
 Порочный челоѳкъ въ подземный мракъ нисходишь,
 Всѣ люди, ошклопя свирѣпой браши мечъ,
 Высокую любовь спараюшя возжечъ.

Повѣрь, что общество ошвергнувъ усыпленье,
 Ліешъ въ сердца огонь, пріятное волненье,
 И можешъ иногда печаянно шепнушь,
 Какой назначила кому природа пушь. (136)

Издравле мудрый Царь, ошъ Бога вдохновенный,
 Кошорый испишы на арфѣ пѣль священны,
 Кошорый красоты творенія поспишь,
 Небеснымъ пламнемъ чей дышешъ каждый спихъ,
 Въ Ерусалимѣ жилъ, доспойно царствомъ правилъ;
 Онъ миромъ и войной себя, народъ прославилъ.
 Почерпнушый примѣръ изъ кладезей свяшыхъ
 Покажешя высокъ; по много есшъ другихъ.
 Жанжакъ Руссо, чей духъ надмѣнный и угрюмый
 Ожеспоченіемъ наполнилъ сердца думы,
 Кошорый общесшва чуждался, не любилъ,
 Скажи, колико разъ къ Парижу приходилъ?

Зри глубину сердце, нашуры подражашель,
 И будь неправды бичь, добра провозглашашель,
 Довольно на земли пороковъ и спрасшей:
 Вошь содержаніе для лиры здѣсь твоей!
 Нисчерпаемый пошокъ благошворенья
 Есть истинно предметъ достойный пѣснопѣнья.
 О комъ ты будешь пѣшь, кому благошворишь,
 Коль удалясь людей, не будешь ихъ любишь?
 На что намъ дикія природы описашье?
 Высокой доблести увѣковѣчь дѣянье,
 Всѣхъ міра жипелей склона къ вниманью слухъ,
 Измѣрь въ своихъ стихахъ неизмѣримый духъ, (137)
 Копорый усмотря огромную вселенну
 Завоевашельсь жестокимъ припѣснешу,
 Дерзнулъ прошивъ него, по мало, — побѣдилъ,
 Опъ золь освободя, враговъ своихъ просшилъ.

Любимцевъ Фебовыхъ пускай вдыхаюшь Музы,
 Лавровые на нихъ накладываюшь узы;
 Свою печашь, свой духъ имѣешъ каждый вѣкъ.
 Римлянинъ брани сынъ, искусивъ любитель Грекъ,
 Европы жипели — пишомцы громкой славы —
 Познали храмъ небесъ и доблести усшавы;
 Разнообразія запутанную нишь
 Лишь современники способны намъ открышь.

Пускай ты будешь пѣшь, внушенный опть природы,
Не возшумяшь древа, не совосплещушь воды,
Сполъшній крѣпкій дубъ и въ роцѣ соловей
Не могушь оцѣнишь способности твоей;
Но другъ изящесшва, другъ разума, науки,
Примѣшя даръ, подасшь злашую лиру въ руки.
Плѣняешъ ли себя высокій духъ и вкусъ,
Пари на Геликонѣ, найдешъ шамъ девяшь Музъ;
Всѣ купно судъ небесъ и доблесшь величаюшь,
Всѣ купно лаврами жрецовъ своихъ вѣнчаюшь.
Средь общежитія предметы избирай,
Въ сословіи пѣвцовъ свой подвигъ совершай.

Сколь славы общесшва, для блага посвященны!
Онѣ — лучи свѣшилъ, въ одно совокупленны;
Для озаренія потомственныхъ вѣковъ,
Ліюшь сіяніе на гробы праощцовъ; (138)
Чшо было, будешъ, ешь, — ума лучемъ свѣряюшь,
Изъ мрака, искры блескъ борьбою извлекаюшь;
Посстигнувъ тайны прехъ природы дивной царсшвъ,
Даряшь обильный плодъ полезныхъ намъ богашсшвъ.
Тамъ добродѣтели священныя уроки,
Какъ моліи, разяшь постыдныя пороки;
Тамъ зависшь не шипишь, — хвалы достойный шрудъ,
Потомсшва поздняго предвосхищаешъ судъ.

Наукъ сословіе, пѣвцы народной славы!
Внушая мудрости священныя ушавы,
Какъ звѣзды ясныя въ обилии чудесъ,
Являйте на земли величіе небесъ,
Оспраду пожинайте прямого просвѣщенья
Текиште вѣрною стезей благошворенья.
Не будите никогда забвенны шѣхъ пруды,
Чьи сосраданію посвящены плоды;
Они согрѣются свѣшилкомъ міра яснымъ,
И пользу принесутъ потомкамъ Музъ несчастнымъ.
Сей подражанія достойный образецъ
Улыбкой ободриште Великій Царь-Опець. (139)

ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ.

На возвращение Рюрика. (140)

1817 года.

Сынъ Мироворца, внукъ и Мироворецъ самъ! (141)
Не думай, что паря къ Парнаскимъ висошамъ,
Могу исчислишь я, усердью внемля Музы,
Твои всѣ подвиги и разныя союзы.
Для пѣснопѣнія повсюду ходъ опверзшиъ,
Спускался Пиндаръ въ адъ, и возлешалъ до звѣздъ;
Но Кліо спрогая — дщерь истины, совѣща —
Сказала мнѣ: „оспавъ напрасный шрудъ, пѣвецъ!
Я озаренная лучами славы свѣща,
Румянцову сплешу безсмершія вѣнецъ.“

Счастливъ, кто службы долгъ свершая благородной,
Ревнуя въ бурь золь о пишинѣ народной,
Небесной мудрости постигнувъ высоту,
Мигъ жизни ближнему и предкамъ посвящаетъ, (142)
Подъ тягошой вѣковъ съ ихъ прахомъ совѣщаетъ;
Исхитя изъ могилъ ихъ духа правоту,
На подражаніе опечесиву приносишь,
Благословенья имъ попомшвеннаго просишь.
Счастливъ, кто пламенной любовію горишь,
Разнообразный міръ съ избыткомъ чувства зришь,
Сводъ небъ южныхъ спранъ, пшашельныя воды;
Цвѣшны, цѣлебныя расшенія природы
Въ опечесиво свое желаетъ перенести,
Чтобъ полную ему доставишь пользу, чести.

Уже Варяжскаго оставя моря волны,
Спѣсняя валомъ валъ, средь шума влажныхъ нѣдръ,
Смиря искусствомъ рукъ неукрошимый вѣпръ,
Между небесъ и водъ, желаемъ къ славѣ полный
Несется Рюрикъ самъ, и видишь молній блескъ,
Пучины слышишь ревъ и вервій скрипъ и прескъ.
Онъ тамъ, ошкоть Фебъ, оставя домъ Оспиды,
Свой первый мечетъ лучъ на сушу и моря;
Онъ тамъ, гдѣ въ пламени вечерняя заря
Попухнешъ, и сольешь разнообразны виды;

Онъ быспро Западъ, Югъ, и Сѣверъ, и Восшокъ,
Средь ужаса смершей падъ бездной Океана
Сопровождаемый гусшою мглой шумана,
Обшекъ, и побѣдилъ немилосердый рокъ.

Мой узелъ укрѣшилъ съ шобою самъ Суворовъ; (143)
Прими священную дань сердца разговоръ.
Ревнишель благоспи, любовію влекомъ,
Чуждъ воздаянія, не вѣдаешъ о шомъ,
Когда и чѣмъ себя предъ общешвомъ прославилъ;
Счаспливъ, коль пользу онъ соопчичамъ доставилъ,
Успѣлъ награды знакъ — любовь ихъ пріобрѣсти:
Вошъ похвала мужей и поколеній чеспъ!

Самъ кормчій Рюрика швой памяшникъ посшавишъ,
Когда свой дивный пущъ на харшіи предшавишъ;
Иль на челъ нося зеленый Музъ вѣнцъ,
Чье хипрое перо давно Европа любишъ,
Наперсникъ Аонидъ, самъ Коцебу — ошецъ (144)
Досшойную хвалу въ чужихъ краяхъ восшрубишъ.

ИМПЕРАТРИЦЪ МАТЕРИ.

Н А С М Е Р Т Ъ

КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ.

1817 года.

Ты плачешь, и Тебѣ соспраждешъ вся Россія;
О шайнство судьбы! о Промысла дѣла!
Болѣзненная въ грудь вонзилася стрѣла,
Дохнула смерть, и гдѣ обѣщаны чувствъ свящя?
Гдѣ доблестъ и любовь, гдѣ разумъ, красота?
Цвѣтами свѣжими дослѣ украшены,
Твоимъ присутствіемъ недавно озарены
Могильный кажутъ видъ прекрасныя мѣста,
Все мрака лошаго покрыто шемношою.
Не Мать одна, увы! сраженная судьбою,

Не кровные, друзья, не горестный Супругъ,
Не Избавитель царствъ — нѣжнѣйшій братъ и другъ —
Услыша скорби вѣспѣ, перзаюшся о мершвой, —
Все челоѳчешво чшишь воздыханья жершвой;
Вишии и пѣвцы, когда о Ней поюшъ,
Въ дѣсницѣ съ лирою изъ сердца слезы льюшъ,
И чувшвуя вполнѣ печали сильной шягосшъ,
Вѣщаюшъ всѣ: „гдѣ Машъ, лѣощая намъ радосшъ?
Гдѣ ша, кошорая вѣличія съ висошъ
Искала въ хижнѣ несчастныхъ и сиросшъ,
Прешола почесши, и пышный блескъ, и славу
Мѣняла Аонидъ на крошкую забаву,
Любила испины неугасимый свѣшъ?“
Спеши, Шшущгардъ, спеши! Екатерины нѣшъ! (145)
Твой справедливый спонъ Европа повшоряешъ,
Другъ добродѣтели въ Ней кровную перяешъ;
Иной, пишая грусшъ, въ спраданьи вопіешъ:
„Злодѣшво на скалѣ ушесисшой живешъ,
А крошосшъ жизнь свою кончаешъ на прешолѣ.“

Небеснаго Царя покоршвууюшъ всѣ волѣ;
Рожденіе свѣшилъ — явлешье міру ихъ —
Въ чершюгахъ вписано нешлѣиныхъ и свяшыхъ.
Нашъ жребій — воспаришъ чрезъ пушъ благошворешья
Къ испочинку любви въ небесныя селенья.

Упѣшься! или дщерь не въ слѣдъ Тебѣ текла?
Въ дни малы много дѣлъ благихъ произвела.
Она — вопль мощная благошворенья сила!—
На годы быспрые щедрошь цѣнь наложила.
Но мигъ ль опраду несшь въ печальной шоль судьбѣ?
Кшо всеу приходилъ несчастливый къ Тебѣ?
Духъ крошоспи, полна кошорымъ днесь вселенна,
Есть плодъ опъ Твоего плода благословенна;
Тебѣ ль подъ бременемъ печали упадашь?
Ты соспрадательна, Ты Александрю Машь.

ПАВЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

МЕЖАКОВУ.

О С Ч А С Т И И.

1820 года.

Гдѣ счастье, Межаковъ, скажи, или оно
Оставлено богамъ, а смертнымъ не дано? (146)
Горацій—древнихъ Музъ наперсникъ—ушверждаешь,
Что скука, пусть она и въ дальній край летишь,
Оспрады для себя въ пуши не обрѣшаешь,
При шокѣ мирныхъ водъ не дремлешь, а грустишь.
Любви волшебная на свѣтѣ эпическая сила
Свободную стезю къ блаженству намъ открыла;
Счастливыи ты на земли по смерти будешь вновь,
Кто духомъ озарясь, пишетъ здѣсь любовь.

Проспранныя поля, луга и верхограды,
 Чертоги пышныя, изъ мрамора ограды
 Не сродны смертному въ привременной судьбѣ;
 Онъ съ ними и безъ нихъ самъ счастливъ по себѣ.
 И Флаккъ, учишель сей, поднесъ гремящій въ міръ,
 О счастья часно пѣлъ, умѣренность хвалилъ;
 Зеленые вѣнцы его сплешаю лиръ,
 И сомнѣваюся, счастливъ ли въ жизни былъ;
 Сыпъ ложной мудрости, другъ роскоши и злаша,
 Искалъ блаженства гдѣ? въ чертогахъ Мецената;
 Мучишеля Римлянъ за крошость прославлялъ,
 А Мевія въ сердцахъ и дерево ругалъ;
 Забывъ священнаго смиренія уставы,
 Гласилъ: „я памятникъ себѣ воздвигну славы.“
 Не спорю, — мудроно Поэша огонь вмѣспишь,
 Неисчислимыхъ лѣпъ умы, сердца прельспишь;
 Но болъ тягостно свою судьбу успроишь,
 Спремясь къ добру, себя средь мира бурь спокоишь.
 Счастливъ, кто здѣсь обрѣлъ и радость и покой
 Въ смиреніи спрасшей, а не въ молвѣ людской.
 Въ самомъ себѣ найдя, пѣвецъ уединенный,
 Довольства, счастья ключъ живительный, священный,
 Въ суровый день зимы и въ лѣша знойный день
 Ты безопасную легко опыщешь сѣнь;

Даръ сердца чистаго, даръ разума любезный,
Не одному лицу, но людямъ всѣмъ полезны.
Кто чувствами любви привыкъ здѣсь дорожить,
Пускай змѣи шипящъ, — умѣетъ счастливь бытъ.

Пусть Бавій на меня сапирой злобной грянешъ,
Ругашъ мои снихи и опечашки спанешъ,
Пускай по городу распустишъ глупый бредъ;
Въ мое творенье онъ свой геній не вдохнешъ,
Мнѣ будешъ жаль его, а не за что сердиться;
Кто Бавія уймешъ съ разсудкомъ не бранишься?

НЕУМЪРЕННОМУ ЧЕСТОЛЮБЦУ. (147)

1819 года.

Ты просишь спашуи? ... опомнись, дерзновенный!
Ты живъ ... и памятникъ, тебѣ споль вождельный,
Скажи, обязанъ ли спольшїя молчашь,
Неслыханную спѣсь въ попомспвѣ величашь?
Съ безмѣрной вышины громовыми усшами
Онъ будешь ... усшрашисъ! ... предъ всѣми племенами
Въ шайншвенныхъ дѣлахъ тебя изобличашь;
Мысль, уноснную шщсславїя мечшою,
Низложишъ испины невишною рукою.

Тамъ зависшь люшая, изъ глубины лѣсовъ
Примѣшя образъ швой на вышпѣ холмовъ,

Уже волнуется, кидая всюду взгляды,
 И веси прошекла и мирныхъ царствъ ограды,
 И шепчетъ средь пировъ: „сколь пышныя награды!“
 Вѣщая: „на мѣди великолѣпнень видѣ, —
 Кто это? Ахиллесъ, Сократъ, иль Ариспидъ?“
 И сокрывается, проливъ свои оправы;
 Но громаы облегли вокругъ памятника славы.
 Ахъ! если увлеченъ смиренной проспошой,
 Народъ, любуясь искусствя красошой,
 Невольно чувствія сердечныя развяжетъ;
 О горе! коль тобой спѣсенная вдова,
 Спошь гореспный пущя, предъ небесами скажетъ:
 „Его не прогали ни слезы, ни слова;
 Исканель мѣра благъ и плѣннаго блаженства,
 Въ благошвореньи онъ не числилъ совершенства,
 Какъ мѣдъ, при жизни въ немъ душа его мертва.“

На крыльяхъ пламенныхъ опселъ возлешаюшъ
 Молишвы спраждуцихъ въ духовный свѣшлый мѣръ,
 И въ казнъ злочесшю, не медля, досшигаюшъ
 Къ прешолу испины при звукѣ чисшыхъ лиръ.
 Громовыя шекушъ, кашясь далеко, спрѣлы
 Обломки размешашъ въ окресшныя предѣлы,
 Иль вергнушъ съ высоты колосъ въ пучину водъ.
 Книченя памятникъ, надмѣншой спѣси плодъ,
 Ничшожесшво швое промчишъ изъ рода въ родъ.

Коль разумомъ, прудомъ, спремленьемъ доброй воли
Спроишель многимъ былъ благополучной доли,
Коль подвиги успѣлъ полезные свершашъ, —
Порадуйся, — ты добръ и будешь процвѣшашъ;
Лишь прелещи мечшамъ киченья предавашся,
Средь испуленія съ Поэтомъ соспязашся,
И памятникъ себѣ, какъ Флаккъ, сооружашъ.
Пускай міръ суешный и хвалишъ и поносишъ, —
Сынъ добродѣтели наградъ себѣ не просишъ.

КАТЕРИНЪ НАУМОВНЪ

ПУЧКОВОЙ. (148)

1821 года.

Пучкова! исполняшь пріятелей желанье
Давно, ты вѣдаешь, съ охотною тошовъ,
И съ береговъ Кубры пишу тебѣ послашь; (149)
Но что предскаблю въ немъ? нѣтъ мыслей, ни стиховъ.
Мнѣ, спутнику дождя, съ починенной коляской,
Мысль къ мысли подвеси, угладишь рѣшмы пряско;
Тамъ горы, тамъ песокъ, а тамъ въ болотѣ вязко,
И недосугъ ловишь замысловатыхъ словъ. (150)

Разумной, городской и барышнѣ любезной,
Съ кошорой Музы всѣ и Аполлонъ знакомъ,
Осмѣлюсь ли послашь нескладный стихъ, жслѣзной,
И незатѣйливымъ начертанный перомъ.

Я солнце ль опишу, что яркими лучами
Съ быспрошекущими сливаясь волнами,
И въ капль даже водъ
Являетъ сонмъ красотъ;
Иль огнь Всевышняго, крылатый громъ чудесный,
Который съ высоты спускаясь ближе къ намъ,
Губишь, свирѣпствуешь средь обласни древесной,
И звукъ удару въ слѣдъ капишься по лиснамъ;
Иль ароматными цвѣтами изнещреный
При шумъ ручейка пріятнѣйшій лужокъ,
Гдѣ въ часъ уединенный
Поетъ любовь и грусть унылый паспушокъ.

Ты въ сонмъ лиръ, забавъ искусственныхъ на лонъ
Уже читала по въ Делиль и Томсонъ;
Тебѣ опчсша я о солнцѣ не даю,
Что живо чувствую, по въ проснопѣ пою.
Хотя бы невзначай и удалось на диво
Природы красоту изобразить счастливо;
Но сельскій можешь ли понравишься Омиръ,
И забавляшь стихомъ большой въ столицѣ мѣръ?
Умѣешь ли придашь румяный цвѣтъ опъ ивѣ, (151)
Былинкѣ повелѣшь весь дѣнь плясать на ивѣ,
Заспавишь ли хоть разъ могучаго вола
Прыжками по жердямъ опередишь козла?

Форшунъ жершвуя запѣйники въ еполицахъ,
 Пируюшъ иногда Фанпазіи въ границахъ.
 Среди волненія шоржеспвенныхъ суешъ
 Чужаго праздника не любишъ модный свѣшъ;
 Толкуешъ часшо онъ, оставя Аполлона,
 Словесносшъ и спихи по правиламъ *Бостона*;
 Тѣхъ думаешъ хвалишъ и кшапи приласкашъ,
 Кому удасшя разъ съ Вельможей пошепшашъ.
 Большею часпію въ столицахъ лицемѣряшъ;
 Не многіе у васъ и Журналисшамъ вѣряшъ.

Забошясь семь недѣль исполнишъ швой приказъ,
 О спранспвіяхъ шеперь пускаюся въ разсказъ.
 Я въ Пошехонскую сперва спрану помчался,
 И, къ сожалѣнію, съ Пошомъ не вспрѣчался, (152)
 Который, Галии любя прелесшный домъ,
 Представилъ. Какаду искусно и съ умомъ.

Не попадался мнѣ родня и мой пріятель, (153)
 Расину счасшливый въ Эфири подражашель;
 Но видѣлъ Дѣдушкинъ въ моемъ помѣсшѣ кедръ, (154)
 Который посадишъ для внука самъ шрудился,
 Когда онъ съ Минихомъ опъ Турковъ возврашился.
 Давно санишель спишъ въ обяшьяхъ земныхъ нѣдръ,

А древо въпшвами по воздуху играешъ,
И въ Chesъ ему плодомъ пошомсшво награждаешъ.

Я Нила Рускаго по краснымъ берегамъ
Въ село Темирино на черноземъ спремился, (155)
И съ Ярославемъ лишь и Коспромой просшился,
У праха Минина на ярмошкѣ явился.
Торговли внутренней шамъ созданъ пышный храмъ, (156)
Надъ коимъ зодчесшва искусный духъ шрудился.

Не можешъ съ кораблемъ сравнишься малый чолнъ;
Изобразишело Кубры смиренныхъ волнъ
Приспойно ли, скажи, пѣшь *Волгу величаву?*
Пишомцы сей рѣки ея въщали славу. (157)
Но Музъ Невскихъ водъ, Симбирскихъ госпѣъ спранъ,
Другой полешъ сужденъ и даръ скуднѣе данъ;
Ей можно объявишь забошою объяшой,
Что на Сурѣ она увидѣла богашой
Ошличныхъ сперлядей въ одеждѣ золошой.
Коли тебѣ чишашъ походъ не скучно мой,
Вообрази, гдѣ былъ воспитанникъ Парнасса:
Пѣшечкомъ улицы обмѣрять Арзамаса,
Тамъ общество гусей онъ видѣлъ у рѣки;
Но жаль, что не нашлось межъ ихъ бойца прямова,
Обыкновенные, какъ и вездѣ, гуськи,
Такіе именно, какъ въ басенкѣ Крымова. (158)

Ну, право, не смопря на множество похвалъ,
Я шаковыхъ гуськовъ и при Невѣ встрѣчалъ.

Свиданіе съ роднымъ и другомъ — мнѣ опрада
Среди престольнаго Владимірова града.
Тамъ Клязьма, славная опшъ древнихъ лѣшъ рѣка,
Съ кошорой, въ Волгу мчась, сливается Ока;
Тамъ удивленные пришельца видяшъ взоры
Проспранныя поля, ручьи, долины, горы;
Тамъ пахарь за сохой съ веселіемъ идешъ,
И плѣна опшъ Орды уже себѣ не ждешъ;
Тамъ знаповерхій Кремль лучъ солнца опражаетъ,
И дома на холмахъ поканыхъ озаряешъ.
Опшъ Кіева пріявъ владычества вѣнецъ,
Сей градъ величесствомъ Москвѣ былъ образецъ.

Кшо вѣры воспалялъ въ душѣ разумной чувсва,
Среди Владиміра зришъ шоржесство искусва. (159)
Какая въ лицахъ жизнь, какая въ краскахъ шѣнь!
Тамъ спарець съ юношей, съ младенцемъ мапшъ,
шамъ дѣва,
Всѣ, духомъ озарясь величія Царева,
Текушъ къ Свяшымъ водамъ въ опрадный сердцу дещъ;
Разнообразія владычесствуешъ шѣнь.

Своею прелесшью всѣ виды восхищаютъ,
 Одежда съ нагопой равно красой сіяютъ,
 И живописецъ самъ благодаренья въ дань,
 Какъ древній Славянинъ, возносишь къ небу длань.
 Здѣсь будетъ поздній родъ благоговѣшь, дивисься,
 Арписпы и пѣвцы у Тончія учишься.

Къ Кубрѣ ли обращусь, предметы вижу шамъ
 Пріятные моимъ опъ юности очамъ.
 Но ихъ прелесшій видъ и всѣ дары природы
 Преклонные мои не обновляютъ годы;
 Хотя цвѣтущею сіяютъ красотою, —
 Нынь Музъ присущешвія, волшебной жизни той,
 Лющей радости, когда я былъ моложе,
 Когда здѣсь были *ты, что мнѣ всего дороже.*
 Напрасно жду Харитъ, скишаясь по горѣ,
 Взываю къ холмику, взываю я къ Кубрѣ;
 Кубра безмолшвуешь и мнѣ не отвѣчаешь,
 Поэма своего восторгомъ не пишаешь;
 Къ березкамъ я моимъ, прекраснѣйшимъ древамъ
 Вѣщаю: „вы забавъ свидѣтелями были,
 Не прекословили вы юности играмъ
 И тѣнь прохладную средь лѣтнихъ дней дарили;
 Но скоро можешь часъ приближиться, настать,
 Что будете мой холмъ могильный осѣняшь.“

Я умозрѣнія плодъ горькій опшвергаю,
Пріяшнымъ случасмъ письмо къ шебѣ кончаю:
Поэту-спарику на берега Кубры
Невинностьъ съ дружбою несли свои дары;
И снова свѣшскоси свиданье посвятили,
Играли въ Виспѣ, Босшонѣ и Вальсовѣ не забыли.

МУЗЪ ВРАЖДЕБНИЦЪ. (160)

1819 года.

Наперсники Харипъ и Грацій,
Пишомецъ славный ихъ Горацій,
Умъли шупкой приправляшь
Свои полезныя уроки.
Ты имъ умъешь подражать,
Ты свѣшлыя Пермесса шоки
Давно привыкла посѣщать,
Съ Хореемъ, Ямбами не въ ссорѣ;
Умно, пріятно въ разговорѣ,

Забывъ *Бостонъ* иль *Рокомболъ*,
Зимой и лѣшомъ беззаботно
Апшическую сыплешь соль
И на пріятелей охотно.
Ты разоря мой уголокъ,
Парнассомъ древнимъ осѣненный,
О коемъ славой озаренный
Въ Парижѣ Боало замолкъ,
Въ помѣсть вѣтренной Киприды
Мнѣ замокъ пышный опшела,
Сказавъ, что Хлоюшка мила,
Или что плѣнникъ я Филянды.
Меня пы въ розы убрала
Запѣливо, хопя и злобно;
Капниста мопыльку подобно (161)
Велишь мнѣ по цвѣшамъ порхашь,
Велишь о Деліи крушишься,
Велишь съ Аспазіей дружишься,
Фіалку, розу обоняшь.

Хопя сребристыми власами
Покрыша голова моя;
Но восхищаешь красошами
Всегда имѣю право я.
Какъ прежде пѣлъ, пою Темирѣ
Я пѣсни нѣжныя на лирѣ;

Привыкъ прелестное ловишь;
Большой Семеновой плѣняюсь, (162)
И Кашалани удивляюсь;
Люблю достойное хвалишь,
И ксшаши слезку уронишь.
Къ изящному направишь зрѣнье —
При старосши вошь наслажденье,
Себя кошорымъ веселю.
Твой оспрый умъ, замысловапый,
Твой даръ запѣйливый, богашый,
Признаюся тебѣ, — люблю;
Но мнѣ съ подошвы Геликона
Приспало ли Анакреона
По булевару догоняшь,
Улыбки опѣ красавицъ ждашь?
Мнѣ поздно съ въшреннымъ Сильваномъ
Къ Амуру въ храмъ искашь пуши,
Или за кузнецомъ Вулканомъ,
Хромая, къ радосшамъ бресси.

ИВАНУ МАТВѢЕВИЧУ

МУРАВЬЕВУ - АПОСТОЛУ.

1812 года.

~~~~~

Любя зеленый лавръ, Пермесса водъ журчанье, (163)
Прелестныхъ Аонидъ ты пріобрѣлъ вниманье;
Ты Аполлоновъ жрецъ, ты спалъ Апосполь Музъ;
Твой долгъ — распроспранять изящный, чистый вкусъ;
Твой долгъ — усердствовать, чтобы въ своемъ разрядѣ
Разсудка голосъ былъ съ безсмыслицей въ разладѣ,
И чтобы вымыслы, искусство, красоты
Распили намъ зимой весенніе цвѣты.

Ты даръ упошребилъ, усердіе и ревность
Поспигнушь славную писашелями древность;
Ты съ громкимъ Пиндаромъ, съ Виргиліемъ знакомъ,
Такъ съ нами подѣлись ихъ сладоспнымъ плодомъ;
Открой въ Пешрополѣ источники богаты,
Гдѣ шупки почерпалъ твой Флаккъ замысловапый;
Ревнуй, чшобъ сей пѣвецъ пріятнымъ звукомъ словъ,
Какъ прежде Римъ плѣнялъ, плѣнилъ и градъ Пешровъ,
Чшобы запѣйливо, въ сіяніи великомъ,
Воспѣлъ на Сѣверѣ самихъ боговъ языкомъ,
Восхищя цѣлый міръ, открылъ бы наконецъ
Для Рускихъ хладныхъ спранъ высокій образецъ. (164)

Пѣвецъ, желающій отъ Музъ себѣ награды,
На древность славную пусть обращаетъ взгляды; (165)
Знай, — на Парнасѣ нѣтъ уже пушей иныхъ.
Не въ хладныхъ правилахъ, не въ букваряхъ сухихъ
Поэзія паритъ; коль надобны совѣшты, —
Натура дивная и громкіе Поэшы —
Природному пѣвцу насшавники одни;
Въ потомство преселятъ способны лишь они.

Въ первоначальный вѣкъ Орфей, Гезіоды
Искали образца въ швореніяхъ природы;

Теперь наслѣдниковъ пускай богошворимъ;
Предшечамъ подражашь спараяся своимъ,
Они за образецъ природу почишали,
Внимая гласъ ея, любимцевъ гласъ внимали.
Омира предводилъ, бышь можешъ, Амфіонъ,
Омиръ Virgilія, Торкваша же Маронъ.
Когда Пермесскій шокъ, для Грековъ шоль священный,
Разлилъ свои спруи въ предѣлы опдаленны;
Явила Франція изящества примѣръ.
Тамъ Ла-Фоншенъ, Корнель, Расинъ и Моллиеръ,
Тамъ Боссюэша громъ, шамъ сладосшь Массильона,
Премудросшь говоришь устами Фенелона;
Тамъ Кребиллонъ, Руссо, пѣвецъ Меропы шамъ,
Имножесство другихъ вступили къ Музамъ въ храмъ. (166)
Ревнуя славъ ихъ, на Геликонъ Россовъ
Предспали съ лирою Херасковъ, Ломоносовъ.
Всѣ вдохновенные различныхъ спранъ пѣвцы
Цѣнили высоко искусства образцы;
Преемники шекли предшечь своихъ слѣдами,
И спали позднему попомсшву образцами.
Безъ опыта и даръ превыспреннихъ умовъ
Неувядаемыхъ не принесешъ плодовъ.
Явились правила, когда явилась лира;
Самъ Аришпотель имъ училъ во слѣдъ Омира;

Пришелъ Квинтилианъ Марона позже въ міръ,
И Буало — творецъ Посланій и Сатиръ —
По Флакка чершежу, законъ далъ Музамъ Сены,
Когда уже Корнель взялъ скипетръ Мельпомены.

Горацій на вопросъ: „природный даръ и вкусъ (167)
Прославишь могущъ ли одни питомца Музъ,
Или единственно опличное искусство
Огнь мысли замѣнишь и пламенное чувство?“
Сказалъ, что грубый даръ не важенъ самъ собой;
Искусство тонкое, богатое красой,
Пускай является пріятно и любезно,
Безъ дарованія не можетъ быть полезно.
Пѣвецъ, имѣя даръ и славныхъ образцовъ,
Безпрепятно паритъ въ селенія боговъ.

Пусть южные пѣвцы на берегахъ Секваны
Искусства въ образецъ и при Невѣ избранны,
Французовъ пѣніе пусть услаждаетъ насъ,
Парижскихъ лебедей не умолкаетъ гласъ,
Пошомству позднему пусть возгремятъ ихъ Музы;
Восхитя лирою вселенную Французы,
Достигли, можетъ быть, до Пинда высоты,
Что древнихъ пожинавъ старалися цвѣсти.

Въ слѣдъ Грекамъ Римляне на Геликонъ дерзали;
Французы обоимъ удачно подражали.
Когда мы обрѣспи желаемъ славу ихъ,
Искусство почерпашъ должны у всѣхъ проихъ,
Но предпочтительнѣе употребляя ревность
Присвоишь образцы, что намъ открыла древность.
Мы Гнѣдича должны за то благодарить,
Что хочешь намъ опца пѣвцовъ усыновишь. (168)

Поспигнувъ разныхъ странъ языки и искусства,
Спайся, Муравьевъ, чтобъ огненные чувства
Безъ охлажденія одушевляли Музы,
Чтобы вездѣ сіялъ одинъ изящный вкусъ.
Иной пѣвецъ, плѣнясь высокимъ древнихъ духомъ,
Что спихъ, то согрубишь предъ утонченнымъ слухомъ,
Забудешь все, любя лишь странности одни,
И собесѣдуя не кшаши въ наши дни
Латино-Греческо-Россійскими спихами,
Потомствѣ надотьтъ отборными словами. (169)
Но ты, любимецъ Музы, пѣвцамъ подай совѣтъ —
Парнасса на верхахъ спасашъ себя опъ бѣдъ.

Счастливы смертные, что на высоки горы —
Обишель чистыхъ дѣвъ — возносяшъ быстро взоры.

Тамъ юная весна, шамъ воды нѣжашъ слухъ,
Тамъ звуки громкихъ лиръ прельщающъ мысль и духъ,
Тамъ Музъ поклонники — наперсники природы —
Пѣвцы, копорыхъ чшущъ попомственные роды,
Въ шѣни лавровыхъ древъ по' розовымъ спезямъ
Спремяшся ревностно премудрой славы въ храмъ,
Средь жизни радости на свѣшъ семъ вкушающъ, —
Когда сойдущъ во гробъ, и смершь переживающъ.
Сшоль сердцу сладосшенъ плодъ упражненій сихъ,
Чшо нужды нѣшъ искашъ веселосшей другихъ.
Сіи забавы намъ не менѣ пріятны,
Чѣмъ шумные пиры и вечеринки знашны,
Гдѣ музыкальный громъ, паркетшовъ въ вальсахъ прескъ,
Смѣсь звуковъ безъ рѣчей, свѣшилъ пришворный блескъ,
Волнуя сладко кровь, внезапно восхищающъ,
Искашелямъ своимъ блаженство обѣщающъ,
И чувства ушомя чрезъ лесшную мечшу,
Лишь осшавляющъ въ нихъ и въ сердць пустошу.
Весь ослѣпленный міръ за радостями бродишъ,
Искавъ весслія, разсѣянность находишъ.

Душа у смершнаго лишь мыслию жива,
Она среди суешъ и шума бурь мершва.
Склоняйся къ Музамъ въ сѣшъ, красуйся ихъ дарами,
Любуйся славными на Пиндѣ образцами,

И знай, что принесешь свои для насъ труды
Споричные тебѣ и вкусные плоды.

В Р А Ч У М О Е М У

К. Д А Ш К О В У.

1804 года.

Хвала шому, кшо быспро косишь (170)

Болъзнъ — злодѣйку всѣхъ людей,

Червонцевъ опъ больныхъ не просишь

И лѣчишь доброю душей!

Галень, Пергамскій уроженецъ,

Сшарикъ, въ здоровѣ самъ младенецъ,

Хошя чудесно излѣчалъ,

Пришомъ сказашь еще безъ леси,

Чшо книгъ осшавиль ровно двѣсши,

Рецеппы въ коихъ полковалъ ;
Но самъ въ пріятнѣйшей бесѣдѣ,
На мирномъ дружескомъ обѣдѣ
Голоднѣмъ изъ стола вставалъ. (171)
Тебѣ Вобанъ, Гюбершъ знакомы,
Знакомъ Гораций и Невшонъ,
На Агарянь бросаешь громы,
Съ пріятельми Анакреонъ ;
Въ вечернюю ты часно пору
Заспавишь быспро Терпсихору
Плясашъ, какъ спѣны Амфіонъ ;
Въ болѣзни мнѣ за облегченье
Прими шеперь благодаренье ;
Тебѣ награда — ты счастливъ,
Когда больной твоей весель, живѣ.
Уже и силы всѣ природны
Гошovy были ослабѣшь,
И кровь, забывъ пуши свободны,
Скопяся, начала кипѣшь ;
Искусною ты, врачъ, рукою
Велѣль ей быспрою рѣкою
По жиламъ спройно пробѣгашъ,
Хранишь свой вѣсъ и не сгущашься.
Теперь мнѣ начали мечшашься
Жишейски радости опяшь ;

Въ бесѣдкѣ, розами устланной,
Легонько вѣешь гдѣ Зефиръ,
Куда не смѣешь госпъ незваной —
Зоиль придти нарушишь миръ,
На лирѣ скромной и незвучной
Предмешь ошъ сердца неразлучной —
Могу Темиру воспѣвашь;
Пируя о возвращъ друга,
Среди любезнаго мнѣ круга
Могу Шампанское глошашь.
Мнѣ въ темныя переселишься
Ты запрешиль уже мѣсна,
Гдѣ мерзнешъ кровь, молчашъ уста,
И гдѣ не лъзя повеселишься.
Пускай заранѣе поешъ
Спѣсивый Флаккъ Поэша славу,
Но лъзя ли промѣняшь забаву
На похвалы безвѣспныхъ лѣшъ?

Не спорю, Музы . . . . въ вашей волѣ . . . .
Судише о моихъ стихахъ ;
Пріятно въ поздныхъ жишь вѣкахъ,
А хочешся пожишь здѣсь долѣ.

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

П И С А Р Е В У. (172)

1814 года.

Лучами Феба озаренный
Ко мнѣ ты дружесшво пишалъ,
Къ тебѣ въ предѣлы ошдаленны
Я часшо грамошки писалъ;
Любя на Геликонѣ славу,
Себѣ въ урокъ, другимъ въ забаву
Законы Кришки гласилъ;
Пусшь скудень даръ, — горящимъ духомъ
Воспѣлъ вселенной передъ слухомъ
Я храбросшь, подвигъ нашихъ силъ;

Европы цѣлой внемля спону,
Желѣзную срывалъ корону
Я съ дерзновенныя главы.
Мнѣ — робкому пѣвцу съ Невы —
Скажи, возможно ли спремисься
Сочесшь безчисленность побѣдъ?
Пегасъ крылатый ушомишся,
Лешая за орлами въ слѣдъ.
На Вислу мысли успремляю,
А мнѣ вдругъ говоряшь: спѣши,
На Эльбъ Росса опиши.
По Лейпцигу когда гуляю
И мостъ я въ пламени срѣшаю,
Моихъ друзей услышу судъ:
Оспавъ, пѣвецъ, напрасный шрудъ,
Нышъ нужды въ Одеръ ни Мейнъ,
Знай, — Александръ уже на Сейнъ.
Трубу гремящую оспавлю,
А лучше друга я прославлю,
Копорый носишь *благодать*,
Имѣя разумъ просвѣщенный,
Звѣздою перси украшенны,
Привыкнувъ лавры пожинашь.
Когда ширашь искоренишся,
Спѣши въ сѣнь къ Музамъ возвращишся,
Друзей въ Петрополѣ обняшь

Среди торжественной бесѣды.

Всѣ ваши подвиги, побѣды,

Искорененное днесь зло

Прославяшъ лирой Музы сами,

И побѣдишелей чело

Украсяшъ свѣжими цвѣтами

И В А Н У И В А Н О В И Ч У

Д М И Т Р И Е В У. (173)

На случай чтенія Николаемъ Михайловичемъ Карамзинымъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ IX-го тома его Исторіи въ торжественномъ Россійской Академіи собраніи, 1820 года Января 8 дня.

Благодаришь меня за добрую ты вѣснь;
Со дней младенчества чужда мнѣ зависнь, леснь.
Теперь ли, къ присхани предѣль сръшая близкой,
Смолчу о торжествѣ Словесности Россійской?
Теперь ли ушаю, что вѣдаешь Москва?
Давно уже о томъ споусная молва,
Оспавя Сѣвера пространныя границы,
Европы разнесла въ богатыя столицы.

Сорадуясь, скорблю лишь о швоей судьбѣ,
Лишенный зрѣлища пріятнаго тебѣ.

О даръ, единая писателю ошрада!

Ты, челоѳчеству среди шрудовъ награда.

Духъ любомудрїа на пламенныхъ крылахъ

Насъ засшавляешъ жишь въ прошедшихъ временахъ;

Изобразили разумныя природы

Внѣдряюшь правды духъ, духъ вѣры и свободы.

Гдѣ Тацишь возгремишь, иль Неспоръ-Геродощъ,

Міръ внемлешъ, удивясь, и пожинаешъ плодъ.

Обишель Невскихъ Музь и кореннаго слова

Лицешворила намъ прошедшіе дни снова.

Казалось, зрѣли мы, какъ поспѣшала лешъ

Любовь и доблести разврату въ даръ принесъ;

Царя досшойнаго, побѣдами вѣнчанна

Умѣла, соблазня, преобращишь въ Тирана.

Вѣщаешъ Іоаншь, уже возвыся рѣчь :

„Мнѣ воля правило, а прорицашель мечъ.

„Почто предсшатели, и думы, и законы?

„Не боги сушь они, не древни Аполлоны!“

Спекаюшся къ Царю пороки всѣ въ чершогъ,

Лишь добродѣтели прешшупишь онъ порогъ :

Тамъ клевета, плодишь гошова я навѣшы,

Сшрадальцами селишь въ судилищахъ совѣшы;

Сомнѣнье — рабъ ея, съ нахмуреннымъ челомъ,
Навѣша сѣмя чпишь уже созрѣвшимъ зломъ,
За пагубной мечшой неупомимо рыщешь,
Крамоль и мяшежей призрака всюду ищешь,
Желая опъ себя Преспола гнѣвъ опвлечъ,
Безъ доказательсва неспшь къ опальнымъ мечъ.
Тамъ лицемѣріе, личину взявъ свашыни,
Изъ града удалясь въ цвѣшущія пущыни,
Съ толпой Опричниковъ, при казняхъ люпыхъ въ поспъ,
Спущишь челомъ своимъ о каменный помоспъ.
А зависпъ мрачная, подъемля окреспъ взоры,
На шумный ревъ морей и на песчаны горы,
Глядишь, не кроешся ль гдѣ дарованья блескъ,
О доблести въ лѣсахъ не раздаешся ль плескъ,
И къ самовласпію приводишь спрахъ съ собою;
Ожеспоченною оно тогда рукою
При мирныхъ олшаряхъ безвинную льешъ кровь.
Распорглося къ опцу довѣріе, любовь;
Народъ въ пучинѣ бѣдъ волнуешся и спраждешъ;
Гласъ вѣры усыпя, ширанъ лишь крови жаждешъ;
Развраща всюду слѣдъ, корыспи зришся пиръ;
На чловѣчесшво злой посягнувъ кумиръ,
И леспъ и оиміамъ и жершвы воспріемлешъ,
Разсудку, испинѣ мучишельсшво не внемлешъ;

Надменно шесшвуя владычества спезей,
Не допускаешъ мысль, что Богъ естъ Царь Царей.

Поэшу ль опишу я дара превосходство,
Въ попомствѣ позднихъ лѣшъ и пользу и господство?
Давно ты вѣдаешъ, — орель лишъ воспаришъ,
Упругій воздухъ жмя крылами, солнце зришъ.
При свѣшъ разума всѣ искры вдохновенья
Въ чувствившельныхъ душахъ раждаюшъ впечатлѣнья.
Писашель грознаго Владыки грозныхъ дѣлъ
Недавно эшо самъ и чувствивоваль и зрѣль;
Иные съ предками скорбь, ужасы дѣлили;
Тѣ слезы радости о настоящемъ лили.
Средь многолюдія у всѣхъ и взоръ и духъ
Преображенными въ одинъ казались слухъ;
И можно ль не внимашъ средь тяжкїя печали,
Какъ чувстввами себя Славяне опличали?
При казни за сребро опвѣшъ бояринъ даль:
„Я къ Богу съ нищими богашство переслалъ.“

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ.

г. По Руски согиняють возможно тисто, плавно.

Два прошивоположныя нѣкошорыхъ писашелей объ опешесшвенномъ языкѣ мнѣнія подали случай къ сочиненію Посланія *о красотѣ Россійскаго слова*. Не входя здѣсь ни въ какое разсужденіе объ оныхъ, скажемъ шолько, что подобное разногласіе происходило и у другихъ просвѣщенныхъ народовъ. Опышъ доказалъ, что въ языкахъ коренныхъ лучше пользовашься своимъ, нежели упошребляшъ иношпанное. Греки всегда руководешвовались свойшвомъ собешвеннаго языка, и словесношть ихъ опъ время ошдаленныхъ въ одинаковой силѣ и красошѣ до ихъ низложенія процвѣшала. Римляне, напрошивъ шого, побѣдивъ Аѣинянь, приняли ихъ къ себѣ въ учишели: побѣжденные чужешпанцы принесли въ Римъ свои нравы и обыкновенія. Всѣ, начиная опъ Вельможъ, спали говоришъ и пишашъ по Гречески; Лашинская словесношть

упала, и уже между стихами *Виргилия* и *Сенеки* показывается большая разница. Сие Послание о красоте Россійскаго слова къ чести и удовольствию сочинителя напечатано было 1806 года въ изданіи *Петра Ивановича Солодова*, называемомъ *Птеле*, въ *С. Петербургѣ*.

Россійскій языкъ изъ книгъ Священнаго Писанія почерпаетъ красоты несравненныя. Онъ

*Кратокъ, важенъ, звученъ, силенъ,
Великолѣпенъ, быстръ, обиленъ,
Прельщаетъ мысли, сердце, слухъ;
Имъ поугаютъ насъ Платоны,
Имъ Гезіоды и Мароны,
Вливаютъ свой высокій духъ.*

2. *Какъ лиру ни верти, ты пѣть не будешь складно.*

Сей стихъ ославляешся, какъ онъ былъ въ изданіи 1818 года.

3. *Что нами Душенькѣ построены тертоги.*

Можно теперь къ пѣвцу Душеньки присовокупишь имена *Нелединскаго*, *Державина*, *Хемпицера*, *Дмишріева* (*Ив. Ив.*), *Крылова*, *Князя Долгорукова*, *Князя Вяземскаго*, *Пушкина* (*А. С.*), *Князя Шаховскаго*, *Хмѣльницкаго* и многихъ другихъ, кошорые шакъ обрабошали въ среднемъ и шушливомъ родѣ языкъ Рускій, что въ отношеніи къ пріятному и легкому слогу, кажешся, нѣтъ нужды ни сѣшовашъ на свой языкъ, ни же искашъ другихъ образцовъ, кромѣ своихъ собшвенныхъ.

4. *Французы любя Марота остроту,
Постигли новую въ языкѣ красоту.*

Языкъ Французскій въ царшвованіе *Лудовика XIV* досшигъ своего совершеншва. Первыя Трагедіи *Петра Корнелія* доказывающъ, сколько оный сосшарѣлся опношительно къ временамъ *Расина*, *Лафоншена* и другихъ почти современниковъ его. См. примѣч. *Г. Волшера*.

5. *И молнію раждать и громъ свести съ небесъ.*

Сей стихъ не противорѣчишь вышеизложенному примѣчанію. Каждый родъ можешь имѣшь для выраженія свои высокія идеи. Французскій баснописецъ въ баснѣ: *Дубъ и Трость*, изображаешь бурю и громъ стихами доспойными Корнелія.

6. *Роняя слезотку, гласитъ наивный стонъ.*

Въ послѣднихъ годахъ XVIII сполѣшія нѣкопорые писатели, желая присвоишь Рускому языку прекрасное Французское слово *Naif*, *Naiveté*, прилаживали къ оному Руское окончаніе, и писали *наивность*, *наивный* и проч.

7. *Приноситъ языку красъ въ подарокъ вредны.*

См. 1-е примѣч. сего Посланія.

8. *Употребленье — Царь всевластный языковъ —
Пріемлетъ новыя на мѣсто старыхъ словъ.*

Опышь и примѣчаніе 1-е доказывающъ намъ, что правило Горація, сколько оно ни полезно, должно наблюдашь съ умѣренносшію. Каждый писатель, слѣдуя вкусу, обязанъ помнишь, что не всѣ временнаго или разговорнаго языка слова и обороты должны входишь въ сосшавъ языка книжнаго.

9. *Какъ Нимфы, нѣжными стихами говори.*

Нашъ Г. Пешровъ, Поэшь съ большими дарованіями, подалъ случай, къ сожалѣнію, неопышнымъ писателямъ подражашъ себѣ въ неясномъ изложеніи мыслей, въ часшомъ употребленіи *усѣбенныхъ* и вообще шаринныхъ словъ. Стихи должны бышь вразумишельны для каждаго; они сочиняющся не для однихъ ученыхъ, но для всѣхъ, и особливо для свѣшскихъ людей.

10. *У Карпа иль Петра тяжелые стихи.*

Таковое порицаніе пусшословно. Вкусъ каждаго Авшора научишь избѣгашь шяжелосши при соединеніи языка книжнаго съ разговорнымъ.

11. *Словесность на земли и въ старину любилы.*

Спихошвореніе: *О пользѣ словесности*, посвящено было первоначально извѣстному Меценашу - Вельможѣ Н. С. Мордвинову, и въ угожденіе скромности его напечатано подъ именемъ Н. Н. Теперь оное снова печашаешся безъ всякаго посвященія.

12. *Затѣйливый наборъ высокопарныхъ словъ.*

Вошь опзывъ о Поэзіи, кошорый издавна наводняешъ всѣ словесности; опровергнушь споль ложныя изрѣченія легко примѣромъ Гомера, Виргилія, Тасса и другихъ. Высокая Поэзія должна необходимо въ себѣ заключашъ Философію, основанную на благочесшіи. Горе шому пѣвцу, кошорый не Философъ и кошорый чуждаешся свяшыхъ правилъ нравшвенности и любви. См. Т. I-й, Оду Г. Маршосу, куплешъ 5, стр. 166.

13. *Пускай Европѣ туждѣ унылый въ рабствѣ Грекѣ.*

Благодареніе Николаю I-му, храброму Его воиншву и союзнымъ Державамъ, сей спихъ съ 1828 года шеряешъ свою силу.

14. *Когда смерть злбную Элизенѣ заклинаетъ.*

Элизенѣ — славный Докшоръ въ С. Пешербургѣ.

15. *Онѣ Царь былѣ многихъ странѣ въ Нестора времена.*

Сей первый Ишпорикъ нашего опечешва не можешъ, какъ выше сказано, бышъ руководишелемъ въ языкѣ разговорномъ. Книжный шолько языкъ можешъ обогащашся, и шо съ опшорожноспію, опѣ языка мершваго, какъ своего собешвеннаго, шакъ и иносшранныхъ. И для шого не спанемъ споришъ о выраженіи: *мы быхомѣ голу-бошки*, и ш. п. Оно, можешъ бышъ, во времена Нешпора или Бояна сосшавляло оборонѣ рѣчи самый упошребительный и шегольскій, кошорый шеперь, по справедливости, каждому покажешся спраненѣ, и кшпши можно повшоришъ:

Употребленье — царь всевластный языковѣ.

16. *Тамѣ жаждетѣ ревностно избранныхъ сонмѣ мужей.*

Авшоръ много разѣ имѣлъ случай говоришъ о заслугахъ Императорской Россійской Академіи. См. Т. I-й

и особливо Оду и примѣчаніе при оной къ памяшнику Ломоносова. Языкъ нашъ въ настоящее ХІХ столѣтіе возмужалъ и пріобрѣлъ спараніемъ многихъ нашихъ знаменитыхъ писателей, особливо Пошвовъ, красоты испинно образцовыя.

17. *Яковъ Борисовичъ Княжнинъ* женашъ былъ на дочери основателя Россійскаго Театра А. П. Сумарокова. Мы скажемъ шолько, что сей досшойный наслѣдникъ шворца Семиры украсилъ Россійскій Театръ такими швореніями, кошорыя какъ нынѣ, такъ и долго будушъ у насъ въ числѣ хорошихъ произведеній. Примѣчанія при семъ Посланіи касающія именно до сочинителей, кошорые склеивая изъ разныхъ лоскушковъ свои произведенія, выдаюшъ ихъ подъ своимъ именемъ, а не до переводчиковъ. Переводчики, обязываясь предспавишъ чужія мысли, должны ихъ перелишъ въ формы, приличныя свойшвамъ и оборошамъ шого языка, на кошорый переводяшъ. И это не малое досшойство. Делиль, Французскій послѣдняго времени писатель, будешъ въ попомшвѣ знаменитъ по переводу своему *Виргиліевыхъ Георгикъ*.

18. *Умѣй ихъ описать, какъ собственныя страсти.*

Авторъ не разумѣешъ здѣсь шого, чтобы Трагическій шворецъ въ изображеніи лицъ списывалъ самаго себя, но желаетъ изобразишъ шо высокое подражаніе чужимъ спрасшамъ, кошорое писатель по сильному воображенію и чувшвамъ приписываетъ лицамъ своимъ, гнушаясь шѣми холодными подражателями, кои шолько списываюшъ чужія мысли и слова и кои *въ горнилѣ разума и чувствъ не сотворяютъ*. См. Посланіе о Пришчѣ.

19. *Онъ въ Ифигеніи боролся съ славнымъ Грекомъ.*

Много на Французскомъ Театрѣ Трагедій подъ именемъ Ифигеніи, кошорыхъ болѣе не чишаюшъ, ни играюшъ. *Ифигенія въ Авлидѣ* Г. Расина, о кошорой здѣсь рѣчь, уже царшвуешъ на Театрахъ всей Европы болѣе полушораспа лѣшъ. Расинъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ подражалъ древнимъ; въ Ифигеніи же особенно Еврипиду. Содержаніе у обоихъ одно, и различаетшя шолько

развязкою. У Еврипида богиня лѣсовъ, подвигнушая сожалѣніемъ къ бѣдшвенному жребію добродѣшельной дочери Агамемнона, низпускаешся на олшарь въ минушу жершвоприношенія, похищаешъ царевну, переносишь ее въ Тавриду и вмѣсно оной осшавляешъ молодую лань на жершвенникѣ. Расинь, напрошивъ шого, основываясь на повѣсшвованіяхъ Павзанія, вымышляешъ новое лице—Ерифиль, надъ кошорой и совершаешся учасшь, пріугошовленная Ифигеніи. Ифигенія приводишся къ олшарю, многочисленное войско Ахейское съ нешерпѣніемъ желаешъ узрѣшь смерть Царевны и умилосшивленіе боговъ, какъ внезапно Ахилль, распаленный гнѣвомъ и любовію, вспомошесшвуемый Папрокломъ, вшоргаешся въ шолны усшрашеннхъ Грековъ, досшигаешъ своей возлюбленной и предаешъ ее въ зашщшу безшрашнхъ друзей своихъ. . . . Начинаешся бишва, свисшяшъ шпрѣлы, шечешъ кровь; но верховный жрецъ съ мрачнымъ челомъ и взорами, какъ бы вдохновенный небомъ, предшашешъ посреди сраженія, успокоиваешъ Ахилла, и именемъ говорящаго его усшами Оракула объявляешъ, что боги шребуошъ иной крови Елены, иной Ифигеніи, кошорая на берегахъ Авлиды должна себя принесши въ жершву, — эшо Ерифиль, плодъ шайнаго брака Тезея съ Еленою. Уже Калханшъ, взявъ ее за руку, гошовишся весши къ олшарю, Ерифиль испоргаешся, подбѣгаешъ къ жершвеннику, схвашываешъ священный ножъ и закалаешся.

Оба сіи Поэша знали совершенно свойсшва сердца человѣческаго, и въ различіи развязки руководсшвовались шолько различіемъ вкуса и правовъ своего времени. Они знали, что смерть юной, прекрасной, добродѣшельной Царевны, любимой шполь великимъ героемъ, навлечешъ неудовольсшвіе и негодованіе зришелей. Для избѣжанія сего Еврипидъ прибѣгнулъ къ чудесносши, кошорая Грекамъ очень нравилась; а Расинь, чувсшвуя всю необходимость для Трагедіи ужаса и сожалѣнія, выдумалъ новое лице, безъ кошораго (какъ самъ говоришь въ предисловіи) не осмѣлился бы и подумашъ о сочиненіи сей Трагедіи.

20. *Всѣ твари, виды всѣ, и сами божества.*

Разумѣешь, что здѣсь идешь рѣчь только о Греческой Трагедіи и баснословныхъ богахъ.

21. *Въ себѣ вмѣщая даръ писателя-творца.*

Французы весьма различаютъ слова *Auteur*, *Ecrivain*, а говоря о стихахъ, *versificateur*. Авторъ въ предыдущемъ стихѣ приписываетъ Расину достоинства сочинителя, называя его творцемъ по изящности мыслей и чувствъ, и достоинство писателя, почитая его послѣ *Виргилія*, по справедливости, первымъ изъ спослагателей.

22. *Плѣнясь церой твоихъ замысловатыхъ словъ.*

Императрица *Екатерина II* занималась иногда сочиненіемъ *Драмматическихъ* піесъ. Поводомъ же къ сему посланію была ея *Комедія* подъ названіемъ: *Семья, разстроенная осторожкою или подозрѣніями*. Сіе Посланіе весьма давно сочинено, по совѣшу *Княгини Кашириной Романовны Дашковой*, и напечатано ею въ *Журналѣ*, называемомъ *Академическія вѣдомости*. Сочинитель долженъ былъ, не выславляя имени *Автора Комедіи*, описать его свойства. Пускай читатели разсудятъ, какъ онъ успѣлъ въ изображеніи общихъ чувствъ о *Державномъ Писателѣ*. Посланіе прошивъ прежде напечатаннаго весьма исправлено и много помѣщено новыхъ стиховъ.

23. *Твой разумъ самотекъ.*

Императрица такъ переводила *Геній* (*genie*). См. *Собесѣдникъ: Были и небылицы*, кн. 2.

24. *Минервы сѣверной великолѣпный тронъ.*

Въ семъ мѣсѣ сочинитель разумѣетъ уже не *Автора Комедіи*, но собственно *Императрицу Россійскую*, одну *Екатерину II-ю*, Великую.

25. *Менандру слѣдовалъ Комедій сочинитель.*

Нѣкоторые изъ *Историковъ* говорятъ, что *Комедіи Теренція* были писаны *Сципіономъ Африканскимъ*.

26. *Жена преступная, неистовый игрокъ.*

Извѣстная Французская Комедія *la Mère coupable*, Беверлей, мѣщанская Трагедія и, къ несчастію нашего времени, хуже всѣхъ другихъ Мелодрамъ: *Три дни изъ жизни игрока*, піеса, по искусству актеровъ, имѣвшая въ Парижѣ 70 представлений сряду и въ Пешрополѣ до десяти. См. о семъ прекрасное сужденіе въ Журналѣ Г. Погодина, называемомъ *Московскій Вѣстникъ*, и наконецъ въ Парижскомъ Журналѣ *Revue Encyclopédique* 1828 года въ книжкѣ за Маіи мѣсяць.

27. *Скотининъ, Недоросль и Бригадиръ съ супругой.*

Лица въ Комедіяхъ Фонъ-Визина.

28. *Въ устроенной семьѣ, едѣ Сплетниковыхъ нѣтъ.*

Лица въ вышеозначенной Комедіи, сочиненной Императрицею.

29. *Коль въ сердцѣ и въ устахъ его влѣщается себѣ.*

Послѣдній стихъ Авшора оправданъ будетъ попомощвомъ, ибо донынѣ Имя Екатерины II-й Рускими произносима съ особливимъ благоговѣніемъ, также и всѣми просвѣщенными иностранцами. Ясно, что Авшоръ при концѣ сего Посланія снова обращается къ лицу шворца Комедіи.

30. *И. А. Крыловъ*, извѣстный Россійскій Спихошворецъ написалъ Комедію: *Урокъ догкамъ*, кошорая публикою принята съ отличною похвалою.

31. *Когда мужикъ въ Театръ попалъ.*

Защитники Корнелія и Расина спорили о первенствѣ сихъ превосходныхъ писателей, и хотѣли непременно утвердить того или другаго въ чинѣ главнаго любимца Французской Мельпомены. Превосходство имѣеть собственное свойство, независимое отъ времени и общошельствъ. Тщешно будемъ сравнивать Ломоносова съ Пиндаромъ; оба велики, оба превосходны, у каждаго изъ нихъ есть собственныя красоты, кои одного предъ другимъ попеременно возвышающъ или понижающъ, впрочемъ такъ, что не лзя ошдаться ни шому

ни другому преимуществва, по отношенію къ общо-шельсшвамъ, правамъ и времени. Сшоль пущый о первенствѣ двухъ писателей споръ рѣшенъ былъ весьма чуднымъ образомъ въ Парижѣ. Защищники обоихъ Трагиковъ желая окончить ушомшельныя для ихъ самихъ и для публики распри, вздумали первенство Корнелія и Расина опредѣлить сужденіемъ необразованнаго селянина, котораго привели въ Театръ, и, посадивъ между собою, объяснили ему, что сіе значить, а изъ заключенія, природнымъ вкусомъ внушеннаго, хошѣли пошановить первенство безсмертныхъ писателей, забывъ, что у каждаго есть свое природное превосходное качество (originalité). Сперва давали Трагедію Расинову. Судья, при помощи своихъ душеводителей, любовался, хвалилъ и осшался очень доволенъ. На другой день, во время представленія *Горація* и *Куріація*, соч. великаго Корнелія, во 2-мъ дѣйствіи, когда Горацій и Куріацій предъ бишвою имѣли разговоръ о любви къ ошечесшву, сообразно свойсшву каждаго лица, кресшьянинъ, взявши шапку свою, спалъ выбирашьяся изъ паршера; защищники образователя Французскаго Театра испугавшись внезапнымъ его выходомъ, и почишая оный знакомъ неудовольсшвія, ошпанавливали и говорили: „посшой, еще не кончено.“ Любишели превосходнаго и плавнаго Расина шоржесшвовали, но всѣ крайне удивлены были просшымъ и благоразумнымъ ошвѣшвомъ безграмошнаго судьи: „эши люди разсуждають о своихъ дѣлахъ, и горячо споряшъ, мѣшашъ имъ не надобно, а шо еще захващашъ въ свидѣшели.“

32. *Вступи съ Державинымъ въ бесѣду.*

Сочинишель здѣсь разумѣшъ образцовую Оду Г. Р. Державина къ первому сосѣду.

33. *Живаго тестя снарядился Великолѣпно погребсти.*

Случившееся въ Москвѣ произшесшвіе. См. Журналь *Друзъ Просвѣщенія*, въ коемъ напечатана Сашира П. И. Голенищева-Кущузова, называемая *Коріонъ*. Авшоръ изъ оной почерпнулъ ишшино театральное лице подряд-

чика свадебъ, погребенія и прочаго, и при концѣ Посланія напоминаешь, что сущность Поэзіи заключается въ подражаніи изящной природѣ, въ высокихъ мысляхъ и чувствованіяхъ, а потомъ уже въ искусной ошдѣлкѣ часшей и правильности красиваго слога.

34. *Къ безсмертью только провожатъ.*

Образцовый сочинитель, копорый грѣшишь иногда прошивъ правилъ языка, нерѣдко по изобрѣшенію, по идеямъ и чувствованіямъ попадаешь въ образцовые; красивость слога, ошдѣлка въ стихахъ *провожаютъ только и* показывающъ легкой пушъ въ храмъ безсмершія.

35. *Искусство зрѣлища, волшебное искусство,*

Сіе Посланіе къ нашему Лекеню напечатано въ Москвѣ, въ Журналѣ *Друзъ Просвѣщенія* 1804 года.

36. *Но Сумарокову, Корнелю и Волтеру.*

Приспращные любители, или, лучше сказашь, превозносили Поэзіи нашего времени съ неудовольствіемъ и досадою ошчуждающъ Сумарокова не только ошъ похвалъ, иногда справедливо ему приписываемыхъ, но даже не хошашъ, чтобы объ имени его упоминалось въ памяшникахъ словесности. Не оцѣняя здѣсь его *Синава, Семиры и Дмитрія Самозванца*, я спрошу только, чье имя мнѣ посшавишь слѣдовало въ семь стихѣ? Если скажущъ Озерова, то ошдавая полную справедливостъ нашего времени Трагику, ошвѣчаю, что Дмишревскій его Трагедіи не игралъ.

37. *Тогда краснѣютъ, блѣднѣетъ вдругъ Баронъ.*

Знаменишый Французскій актеръ, предшесшвенникъ Лекеня, по имени *Баронъ*, при вшоромъ своемъ появленіи на сцену, наполненную тогда безчувшвенными и пущыми крикунами, игралъ роль Цинны. Зришели, привыкшіе къ кривляніямъ *лицедѣевъ* того времени, не почувшвовали просшаго и благороднаго его дѣйшвія; но когда въ каршинѣ заговора онъ произнесъ слѣдующіе сшихи:

..... par un effort contraire,
Leur front palir d'horreur et rougir de colère,

шо чело его поблѣднѣло и покраснѣло столь внезапно, что весь Театръ пораженъ былъ удивленіемъ, и со всѣхъ сторонъ раздались громкіе плески и восклицанія.

38. *Ты, Сѣвера Лекенъ, средь Россіи державы.*

Иванъ Аѳанасьевичъ Дмишревскій, членъ Императорской Россійской Академіи, послѣ наставника своего Федора Григорьевича Волкова, украшалъ Россійскую сцену съ самаго ея младенчества. При Императрицѣ Е к а т е р и н ѣ II-й онъ былъ посланъ въ чужіе края, двукратно жилъ довольное время въ Парижѣ, гдѣ вошелъ въ дружественную связь съ знаменимымъ Лекенемъ, игралъ неоднократно на Театрѣ шамошнихъ благородныхъ обществъ и своимъ искусствомъ и дарованіями приобрѣлъ бессмертную славу. Также въ Лондонѣ подружился съ славнымъ Гаррикомъ, копорый, восхищаяся его игрою, сжегъ манжешу, не примѣшивъ свѣчи близъ себя. Превосходный Акшеръ былъ и писатель. Много есть Театральныхъ и другихъ его сочиненій и переводовъ. Въ Россійской Академіи онъ произнесъ похвальное слово Сумарокову, перевелъ одинъ помъ изъ путешествія младшаго Анахарсиса, и до смерти своей занимался сочиненіемъ Истории Россійскаго Театра. Свѣдѣніе и опытнось его въ словесности приобрѣли ему почтеніе и дружбу многихъ славныхъ писателей нашихъ, копорые, начиная съ Сумарокова, во уваженіе его хорошей нравственности и пріятнаго обхожденія, за удовольствіе себѣ пославляли разсуждать съ нимъ и пользоваться его совѣтами. Скончался 1821 года 27 Октябрю въ С. Пешербургѣ, погребенъ на Волковскомъ кладбищѣ.

39. *Врага мятежниковъ, Витіи, Цицерона.*

См. Цицеронову рѣчь pro Roscio Amerino.

40. *Скажи, Дмишревскій, мнѣ: назначеноль судьбой.*

Г. Дмишревскій уволенъ отъ Театра при Е к а т е р и н ѣ II-й съ пенсіономъ 2.000 руб. Онъ послѣ того нѣсколько разъ, ославаясь *Режисеромъ* при Руской шруппѣ, въ угоднось Двора и юныхъ шоварищей своихъ, въ бенефисы являлся на Театръ, а въ послѣдній разъ выходилъ

1812 года Августа 30 дня въ случайной для того времени піесѣ С. И. Висковашова, называемой *Ополченіе*.

41. *Петрополя Театръ прославить лишь тобой.*

Дмишревскій при жизни своей не имѣлъ бенефиса, что подлинно удивительно. Смори жизнеописаніе сего знаменишаго Аршисша, изданное нашимъ Авшоромъ и напечатанное 1822 года во 2-й кн. Журнала *Соревнователь*. Бенефисъ, по опзыву Росс. Академіи, для сдѣланія памяшника Рускому Гаррику, былъ данъ 10 Іюля 1822 года; прологъ сочиненія Князя А. А. Шаховскаго. См. *Сынъ Отечества* того же года Но 28 и 33. Сборъ 3.500 руб. Имперашоръ пожаловалъ 3.000 руб. Вдовспвующая Имперашрица 500 руб. и того 7.000 рублей. Изъ помянушаго пролога Князь Шаховской передѣлалъ водевилъ, называемый *Меркурій на тасахъ или Парнасская застава*, кошорый былъ предспавленъ на большомъ каменномъ Театрѣ 1828 года, Сеншября 2 дня. Впрочемъ смори о незабвенномъ въ лѣтописяхъ Театра Дмишревскомъ вышеупомянутое жизнеописаніе.

42. *Явисъ и бодрствено отверзи въ храмъ врата.*

Тогда не было на сценѣ Яковлева, и въ Москвѣ первыя роли игралъ Лапинъ.

43. Посланіе: *И. И. Дмитріеву*, сочинено 1803 года по пріѣздѣ Авшора въ Москву, и напечатано въ Журналѣ, называемомъ *Патріотъ*, кошорый издавалъ Владиміръ Васильевичъ Измайловъ.

44. *Его тертоги*

Любили боги.

Въ сисшемахъ древнихъ мудрецовъ изложено, что бездѣйсшвіе еспъ свойсшво боговъ, разумѣшся, Миеологическихъ.

45. *И на Парнасѣ я тебѣ не сослуживецъ.*

Испинно, въ чемъ, безъ сомнѣнія, и попомсшво съ нами согласшся, что *модная жена, притудница* и многія другія спихошворенія Ивана Ивановича Дмитріева сущъ превосходныя сшихошворенія, споль прево-

сходныя, что по онымъ никакъ не удостоишся бышь его сослуживцемъ на Парнассѣ.

46. *Гораційъ есть теперь, притомъ Министръ живой.*

Г. Р. Державинъ, извѣстный Лирикъ, былъ тогда Министромъ Юстиціи.

47. *Въ Сызранѣ и вездѣ прожить безъ бѣдъ и скуки.*

Въ Сызранскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи родовое помѣстье знаменишаго Авшора Ермака.

48. *Даененько Буало твердилъ, что цѣлый вѣкъ и проч.*

Сіе Посланіе было сочинено 1811 года, напечатано въ разныхъ Журналахъ, чищено въ Бесѣдѣ Любимелей Рускаго Слова, при многолюдномъ Собраніи, извѣстнымъ Иваномъ Машвѣвичемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, и удостоено было особливою похвалы. Послѣ того переложено на Французскій языкъ А. И. Вейдемейеромъ въ прозу, и въ сѣихи Г. Сеншъ-Моромъ (См. его *Антологію* и *Амфіонъ*, Журналь славнаго Г. Мерзлякова, гдѣ находишся разборъ всѣмъ Посланіямъ нашего Авшора, сочиненный А. А. Писаревымъ).

49. *И воду изъ Кубры въ Кастальскій токъ лѣшаю.*

Кубра рѣчка, протекающая въ деревнѣ сочинишеля близъ большой Росшовской дороги въ 110 верстахъ отъ Москвы. См. Т. I, гдѣ рѣчкѣ Кубрѣ посвящены двѣ Оды, первая на сѣр. 167, вторая подъ названіемъ *Явленіе Кубры* на сѣр. 257.

50. *Люблю писать стихи и отдавать въ печать.*

Авшоръ въ изданіи 1821 года сей сѣихъ при 2-мъ томѣ пославилъ въ эпиграфъ всѣмъ Посланіямъ своимъ, а въ предъидущихъ сѣихахъ:

*То, за отборными гоняся словами,
Покрою мысль мою густыми облаками,*

подражалъ наукѣ стихотворной Г. Буало, гдѣ сказано:

*Il est certains esprits, dont les sombres pensées
Sont d'un nuage epais toujours embarrassée.*

51. *Мнѣ старость грозная тяжелою рукой, и проч.*

Авшору было за бо лѣшъ ошъ роду, когда сіе Посланіе писано; см. въ Газетѣ *Conservateur Impartial, supplement au No 48. 1821 года.*

52. *Сіяетъ на бѣгу какъ новая планета.*

У знаменишаго Лирика Г. Пешрова Ода на рожденіе покойнаго Императора Александра I-го начинается слѣдующимъ прекраснымъ по мысли стихомъ: *Явилась нова въ міръ планета.* Нѣкошорые молодые люди, примѣшя на бѣгу сего Поэша, всякой разъ и очень громко швердили собшвенный стихъ его, переинача шолько слѣдующимъ образомъ: *Явилась нова въ бѣгъ планета,* и часнымъ повшореніемъ шакъ надоѣли Поэшу, чшо онъ ошпавиль охошу бѣгуновъ и не являлся болѣе на бѣгу.

53: *Котлетовъ требуетъ, или заводитъ рѣчь,
Чѣмъ шдобрить шинеретъ, какъ вафли должно петь.*

У Г. Сеншъ-Мора эшо переведено прекрасно:

Il est sur tout classique en parlant du jambon.

54. *Слугалось, — нѣсколько текло на себѣ лѣтъ,
Что самъ я забывалъ о томъ, что былъ Поэтъ.*

Очень много стиховъ Авшора разсѣяно по разнымъ Журналамъ; но онъ не прежде, какъ съ 1810 года совокупилъ въ одно цѣлое Лирическія свои шворенія, и, можешъ бышъ, съ шѣхъ поръ началъ забошшшсь объ исполненіи обязанносшей Поэша.

55. *Не обороты словъ, но сердца простоту.*

Послѣдніе стихи сего Посланія весьма дурно переведены у Г. Сеншъ-Мора. Въ нихъ сказано, будшо бы я по собшвенному признанію дурный Поэшъ, но за шо добрый человекъ.

56. *Съ Аменаудою ль любви собираешь дани, —*

Н. И. Гнѣдичъ перевелъ Волшерову Трагедію Танкредъ на Рускій языкъ, кошорая, къ удовольшшвію Публики, часшо играешся.

57. *Пѣнялъ садовнику шутливый Буало.*

См. Посланіе къ садовнику въ подлинникѣ Французскаго писателя.

58. *Рѣшитъ и критики не сдѣлавъ никакой, и проч.*

Въ оправданіе сего Авшоръ можешь сослаться на многіе современные Журвалы.

59. *Семь спорить городовъ, ниже одно село и проч.*

Семь Греческихъ городовъ спорили о мѣсцѣ рожденія Гомера; каждый изъ нихъ присвоивалъ себѣ честь сію. Имена сихъ городовъ заключающа въ слѣдующемъ двусишии:

Smirna, Rhodos, Colophon, Chio, Argos, Athenae,
Orbis de patria certat, Homere, tua.

60. Посланіе къ вымышленному лицу *Расилову* сочинено во время доспомянутой войны 1812 года, какъ-шо свидѣтельствуютъ стихи:

*Недугъ препятствуетъ мнѣ Тигра видѣть травлю;
Я съ зайцами войной себя не воспрославлю.*

Они съ послѣдующими заключали въ себѣ нѣкошорое предсказаніе о бѣгствѣ, низложеніи Наполеона и о нашихъ побѣдахъ. Сіе Посланіе не было чишано въ Бесѣдѣ, а напечатано въ Журналѣ *Сореенователь*, шакже въ полныхъ изданіяхъ 1818 и 1821 годовъ.

61. *Знай,—не въ Москвѣ Москва,—она вся тамъ, гдѣ ты.*

Сіи стихи находяща въ Трагедіи *Пожарскій* Они почерпнушы изъ великаго Корнелія: Rome n'est plus dans Rome, elle est toute où je suis.

62. *И еромки на земли, но въ истинѣ безславны.*

Чишатель замѣшишь, что всѣ харакшеры въ семъ Посланіи вымышленные, а именно: *сеѣтскій мотылекъ, дамскій церокъ и псовый охотникъ*, шакже и *Журналистъ*, коихъ, благодареніе Богу, у насъ шакое множешво, что не повшоря извѣснаго стиха, *Журналовъ тысяча*, легко найши подлинникъ для оригинальныхъ поршрешовъ.

63. *Поэтовъ словаря потенный сочинитель.*

Сіе Посланіе не иное что какъ пріятельская шушка. Нѣкошорые нескромные хвалишели моеи Музы приписывали мнѣ особенную способносшь къ Саширѣ. Я чуждаясь желчи саширическаго рода, мнѣ несвойшвенной, сочинилъ сіе Посланіе, напечатанное въ Журналѣ *Благонамѣренный*. Не оприцаюсь, чшобы въ нѣкошорыхъ моихъ Посланіяхъ и Басняхъ не находилась иногда *веселость*, но это не есшь еще свойшво Саширика, кошорый на все смошришь съ худой спороны. Сочиненія Молліера и Лафоншена наполнены ошпрошою и шушливосшю, но они не были Саширики; впрочемъ нескромные цѣнишели найдущь вездѣ мѣсно къ привѣшсшвию. Иные даже превозносили Авшора за то, чшо лица въ *Андромахѣ* имъ переведенной нѣкошорымъ казались *смѣшны* и *сто* многіе его не *читаютъ*. См. Сынъ Ошечесшва 1819 года.

64. *Нашъ первый Сказотникъ едва глаза смѣжилъ.*

См. Сказочку Авшора Т. 4, Кн. 2. Басню: *Роза и Любовь*, кошорую онъ сочинилъ вскорѣ послѣ смерти А. П. Сумарокова.

65. *Къ Императрицѣ сталъ о Комикахъ писать.*

См. въ семъ 3-мъ Томѣ Посланіе къ Творцу Комедіи: *Семья разстроенная осторожкою и подозрѣніями*.

66. *Законы Княжнину въ Трагедіяхъ давать.*

См. Посланіе къ Я. Б. Княжнину.

67. *Я былъ при Рымникѣ и съ Турками сражался.*

См. во 2-мъ Томѣ сего изданія Посланіе къ Генералиссимусу Князю Ишалійскому.

68. *За Лафонтена тестъ и басенки вступался.*

См. въ шомъ же Томѣ спихошвореніе, называемое: *Совѣтъ питомцамъ Музъ*, Посланіе 2-е о Пришчѣ.

69. *Но Музы, говорятъ, лавръ берегутъ за нихъ (за переводы)*

Совѣмъ не для меня, а для подругъ своихъ.

Авшоръ сими спихами дѣлаешъ привѣшсшвіе знаменишой Аннѣ Петровнѣ Буниной, кошорая перевела

сшихами *Науку Стихотворную* Г. Боало и напечатала въ полномъ изданіи своихъ сочиненій.

70. *Доселѣ все Князья Сатирики въ Россіи.*

Князь Каншемиръ, Князь Горчаковъ и другіе.

71. *Одно дурное видѣлъ? . . . .*

См. Басню Крылова, называемую *Свинья*.

72. *Чужое не люблю хорошее ругать.*

И самъ не помню ошколѣ я почерпнулъ мысль,
чужое хорошее ругать.

73. *Чужимъ здоровьемъ я не болѣю.*

См. Посланіе къ Г. Каченовскому въ С. Ошеческѣ 1821 года.

74. *Въ Сатирахъ прослышу Россійскимъ Буало.*

См. ошвѣщъ Н. Ѳ. Ошолопова, напечатанный въ *Благонамѣренномъ* 1821 года.

75. *Искусно ты меня художникъ написалъ.*

Зала Собранія Росс. Академіи украшена поршрешами; на правой сшоронѣ со входа поршрешы знаменишыхъ нашихъ писашелей, кончившихъ жизнь свою до основанія Академіи, какъ шо: Князь Каншемиръ, Князь Хилковъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ломоносовъ, Сумароковъ и Тредьяковскій. На лѣвой сшоронѣ поршрешы членовъ, между коими находишся, по желанію покойнаго Президенша Наршова, и поршрешъ сочинишеля, писанный Академикомъ Шукинымъ. Авшоръ дополняешъ, что не должно *отдавать лица* своего въ *задатокъ*. Великолѣпное изданіе, похвалы неопышныхъ Журналишшовъ и книгопродавцевъ ишшинно не введущъ въ храмъ славы.

76. *Смотри,—наставникъ твой—Омиръ полногныхъ странъ.*

Авшоръ, при появленіи своемъ на Парнасѣ, имѣлъ счасшіе показывашъ сшихи свои Творцу Россіады М. М. Хераскову и поучашся ошъ его совѣшовъ и замѣчаній.

77. . . . . *бессмертный Теофанъ.*

Теофанъ Прокоповичъ, бессмертный Россійскій проповѣдникъ и превозносишель славныхъ дѣлъ Петра Великаго.

78. *Ты будешь, можетъ быть, искусства образецъ.*

См. примѣч. 75.

79. *Бросаетъ, утомясь, косы своей обломки.*

Прекраснѣйшая идея, кошорую Авшоръ почерпнулъ изъ прекраснѣйшаго стиха В. В. Капниста.

80. *И сладко на его колѣняхъ засыпать.*

См. переводъ Анакреоновой Оды Г. Р. Державина.

81. *Увижу я Хвостова.*

Рос. Академіи членъ, Тайн. Сов. и кав. Александръ Семеновичъ Хвостовъ скончался 1820 года въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Шустливая его Ода: *Хочу къ Парнассу приютиться*, и многія другія зашѣливья сочиненія свидѣтельствуютъ о его остроуміи и піишическомъ достоинствѣ. Здѣсь разумѣется Пирронъ—сочинишель прекраснѣйшей Комедіи: *Метроманія*.

82. *Не допустила быть его Пиррономъ лѣнь.*

Хвостовъ описывалъ въ одномъ обществѣ стихами поршрешы Державина, Капниста, Хемницера и другихъ стихопворцевъ. Николай Александровичъ Львовъ опшѣчалъ Хвостову, что онъ бы могъ бышь одинъ Державинымъ и Хемницеромъ, но помѣшала лѣнь. Впрочемъ сіи стихи рукописныя.

83. *Въ сосѣдствѣ у меня является Шишковъ.*

Многія благодаренія Александра Семеновича Шишкова, оказанныя Россійской словесности, извѣсны всей Европѣ, и для шого нѣшъ нужды повшоряшь о достоинствахъ и заслугахъ Сочинишеля спашьи о старомъ и новомъ слоѣ.

84. . . . . *постеннѣйшій Евгенийъ.*

Авшоръ разумѣенъ здѣсь Мишрополиша Кіевскаго и Галицкаго. Сей ученнѣйшій мужъ издалъ словарь о Духов-

ныхъ писателей и другія полезныя сочиненія по части Испоріи. Авторъ не преспанешъ до конца дней своихъ изъявляшъ при всякомъ удобномъ случаѣ особое пошпеніе сему знаменишому Пашеширю. См. Т. I, прим. 118-е къ Одѣ на сооружеиіе памятника Ломоносову.

85. *И выеадалъ тасокъ похититъ Андромаху.*

Переводъ Расиновой Трагедіи: *Андромаха*, былъ конченъ 1791 года, не болѣе какъ въ шесть недѣль, и напечатанъ. Сочинишель тогда былъ заняшъ, по препорученію бессмершнаго Суворова, начершаніемъ сего полководца о взяшии Царя-града и объ укрѣпленіи границы Шведской.

86. *Законодателя Поэтовъ — Буало.*

Сыскались добрые люди, копорые, въ благодарносшь Авшору за его переводъ, изъ Пешрополя или Москвы переслали въ Парижскій Журналь: *Revue Encyclopédique*, замѣчанія о переводѣ *Науки стихотворной* и Епиграмму, не дѣлающія чесши ни сочинишелю оныхъ, ни издашелямъ Французскаго Журнала. См. Библиографическую спашью сего Журнала: иноспранныя книги, Россія, Декабрь мѣсяць 1826 года, стр. 671, и опроверженіе на сію Французскаго Журнала спашью, соч. Деспрема, напечатанное въ Парижѣ 1828 г. См. того же года Московскій Журналь, наз. *Атеней*, No 16-й, гдѣ напечатано возраженіе на Французскаго Журналиста.

87. Сіе Посланіе написано въ 1804 году, во время пребыванія Сочинишеля въ Москвѣ, къ *Графу Григорію Сергѣевичу Салтыкову*, недавно скончавшемуся, копорый, оконча основашельное ученіе свое и познакомься съ древними образцами, упражнялся съ успѣхомъ въ Поэзи, къ удовольсшвію своихъ пріятелей. Онъ любилъ чрезвычайно Музыку, самъ хорошо игралъ на скрипкѣ, и въ его домѣ Сочинишель часшо слыхалъ славнаго Роде.

88. *Лету въ собраніе для сладостныхъ отрадъ.*

Повшорникамъ Московское дворяншво съѣзжаешся въ домъ, купленный онымъ у покойнаго Князя Ва-

силія Михайловича Долгорукаго Крымскаго. Кромѣ богашства и вкуса, съ каковыми ошдѣланъ сей домъ, находишся шамъ все шо, что можно придумашъ для удовольствія и спокойствія посѣщителей. Въ шоржесшвенные дни, особенно зимою, собиралося шуда до 1812 года болѣе 3.000 человекъ. Въ великій посѣтъ баловъ въ немъ не бывашъ, а даюшся консершы, въ кошорыхъ прежде ошличались своимъ искусшвомъ Роде, Френцель, Элуа и другіе. Домъ сей украшенъ спашуею Екатерины II-й, кошорая, какъ сказываюшъ, при нашесшвіи на Москву Наполеона была нѣсколько повреждена, но послѣ шого исправлена. Дополнишъ надобно, что первые законы благороднаго собранія, писанные нашимъ Анакреономъ, Авшоромъ пѣсни: *Выйду ль я на рѣсеньку*, воспрещали мущинамъ ношеніе шнагъ: *Обезоруженъ Марсъ*. Авшору случилося видѣшъ, что Князь Пошемкинъ сему повиновался; но Князь Ишалійскій, бывшій съ нимъ, почишя сіе за арешъ, не исполнилъ шребованія шаршинъ, ошзываясь, что онъ гощъ.

89. *Средь радостныхъ суетъ.*

Графъ Салшыковъ, учасшникъ Журнала: *Друзъ Просвѣщенія*, рѣдко видался съ своими пріяшелями, издававшими шогда Журналъ, по причинѣ помолвки своей на Графинѣ Елисаветѣ Сшепановнѣ, урожденной Толшпой.

90. Сіе Посланіе писано въ Москвѣ къ покойному и знаменишому покровишелю художесшвѣ, *Графу Александру Сергѣевичу Строгонову*. Авшоръ въ молодосши своей имѣлъ случай, бывши по службѣ въ С. Пешербургѣ, пользовашся благодѣяніемъ и ласками сего незабвеннаго Рускаго Вельможи. Описаніе богини скуки Авшоръ почерпнулъ изъ прошивоположосши общесшва, кошорое посѣщало домъ Любишеля искусшвѣ. Шоршрешы Гарпагона, кичливца, шрусливаго, какъ въ одномъ обѣ нихъ сшихѣ сказано, *встрѣтаются тамъ и здѣсь*, но слѣдующіе два сшиха:

*Одинъ такъ постенъ, какъ согельникъ,
Другой на праздники похожъ,*

внушены Авшору по замѣчанію просвѣщеннымъ Вельможею сдѣланному, при дворѣ Екатерины Великой.

91. *Когда же счастливъ человекъ,
Коль не въ Екатерининъ вѣкъ?*

Авшоръ, проводя молодость свою въ Шенербургѣ, тогда какъ Покровишельница просвѣщенія, наукъ и художествъ открывала всѣ невинные способы къ удовольствіямъ, имѣлъ право среди восшорга своего сказать вышеписанные стихи.

92. Посланіе къ *Н. Θ. Остолопову* сочинено по случаю пожалованія его въ Дирекшоры Императорскихъ Театровъ въ С. П. Бургѣ, Окшября 1825 года.

93. *Софокловой источникъ славы.*

Шекспиры, Шиллеры и другіе славные нынѣ Романшической школы писатели, отвергая едикство, особливо мѣста и времени, не отвергающъ силы характеровъ и происходящаго изъ оныхъ сцѣпленія узла, также ужаса и учасія зришеля. Авшоръ дѣлаешь сіе примѣчаніе для того, что держась правила Буало, не любишь, чтобы герой того дѣйсствія, которому нѣтъ назначеннаго времени, являлся зришелю съ начала мальсикомъ, а подъ конецъ сѣдой. Сверхъ того, опредѣляя заслуги Театра, онъ показываетъ, что Софокловы піесы, сообразно поняшіямъ и вѣрѣ того времени, имѣли нравственную цѣль.

94. *У розы Грація сидитъ.*

Талантъ въ каждомъ родѣ долженъ быть и уваженъ и возлелѣянъ въ мѣсцѣ своего рожденія; Грація сидитъ на шпорожкѣ онаго.

95. *Корнель (Пешръ), называемый великимъ, образовашель Французской Трагедіи.*

96. *Расину съ Андромахой Пирръ и проч.*

Расинъ превосходный Французскій Писатель.

97. *Въ Россіи Озеровъ гудесный и проч.*

Владиславъ Александровичъ обогатилъ Россійскую словесность прекраснѣйшими произведеніями и, можешь бышь, по нѣкопорымъ неудовольствіямъ, послѣ Трагедіи Поликсены, оставя прагическое поприще, впалъ въ жестокую болѣзнь и чрезъ нѣсколько времени скончался. См. послѣднее изданіе его сочиненій.

98. *Тартюфовъ, барыней утеныхъ,*

Les femmes savantes et l'école des femmes прекрасно переведены Н. И. Хмѣльницкимъ и къ удовольствію любителей зрѣлища часно играющя на Театрѣ нашемъ, а еще чаще на благородныхъ Театрахъ.

99. *Но для Гресета и Пирона и проч.*

Піесу послѣдняго: *la Métromanie*, перевелъ стихами Н. В. Сушковъ.

100. *И Мориво обманъ любви и проч.*

Комедія Мориво, переведенная П. А. Кашенинымъ для нашего Театра, названа: *Обманъ въ пользу любви*.

101. *Златыхъ смычковъ тамъ сотни вдругъ...*

Авшоръ, говоря о соревнованіи, упоминаешь о покровишельствѣ, кошорое оказывали Греки паланшамъ при Олимпійскихъ играхъ. Алцей, кошораго они почти уподобляюшъ Пиндару и кошораго стихотворенія до насъ не досаггли, получилъ названіе золошаго смычка. Всѣхъ хорошихъ Лириковъ было въ Греціи не менѣе 400. См. путешесствіе Анахарсиса Т. III. описаніе Олимпійскихъ игръ.

102. *Обильныя принесъ намъ жатвы
Твой стихотворческій словарь.*

Похвальные и справедливые отзывы о семъ полезномъ и прекрасномъ сочиненіи, помѣщенные въ Журналахъ иносшранныхъ и нашихъ, доказываюшъ, что сіе необходимое швореніе дѣлаешь большую честь своему Авшору. Оно напечатано въ Типографіи Росс. Императорской Академіи 1822 года.

103. *Врутѣтъ мои стихи при братцовомъ письмѣ.*

Сочинишель, не имѣвъ прежде личной пріязни съ издашелемъ *Отегественныхъ Записокъ*, зналъ, что онъ занимаешся словесношю. См. письмо П. П. Свиньина къ А. Ѳ. Лабзину въ *Вѣстникѣ Европы*. Онъ находилсѣ при посольсшвѣ ошъ Рос. Двора въ Америкѣ, ошкуда прибылъ въ главную кварширу союзныхъ Армій съ славнымъ Генераломъ Моро, убишымъ 18-го Іюля 1813 года.

104. *Являетъ не рѣку, не озеро, но море.*

Сіе описаніе Ніагарскаго водопада почерпнушо изъ Шашобріана.

105. *Гдѣ Альбіона сынъ, премудростью внушенный,
Франклинъ.*

106. *Исторгъ у неба гролъ и скипетръ у злодѣевъ.*

Симъ прекраснымъ сшихомъ Сочинишель одолженъ А. С. Шишкову. См. переводъ двухъ сшашей Лагарпа.

107. *Пріятный вспомнишь дымъ.*

Воля Горація и Державина; *дымъ* и въ переносномъ смыслѣ можешъ бышь шолько пріятшенъ, а не сладокъ.

108. *Пускаетъ Фебовыхъ оень пышущихъ коней.*

По правиламъ Грамматики надлежало бы сказашь: *огнемъ пышущихъ коней.*

109. *Дыша велигіемъ, обворожаютъ взгляды.*

См. въ Т. I-мъ Оду на освященіе Казанскаго Собора.

110. *Изображаютъ Духъ, сходящій съ мѣстъ Святыхъ.*

Образъ сошесшвія Св. Духа, находящійся въ Казанскомъ Соборѣ, ешъ прекрасное произведеніе живописи Г. Егорова.

111. *Здѣсь поприще открылъ Везувіямъ крылатымъ.*

Адмиралшейсшво.

112. *Обитель славная Фидіевъ, Праксителевъ.*

Академія Художесшвъ.

113. Тебѣ покорено моихъ обѣтовъ чувство,
Когда отечеству ты въ даръ принесъ искусство.

Картина П. П. Свиньина, на кошорой Суворовъ изображенъ спящимъ, и лошадь его держишь Козакъ. См. оную въ Академіи Художесшвъ.

114. Плѣняетъ чувства, мысль и удивляетъ око.

Монуменщъ Петру Великому на Исакіевской площади.

115. Тамъ вижу зданіе огромной колонады.

Биржа, прекрасное Архитекшурное зданіе покойнаго Томона.

116. Войди въ таинственный тертогъ ЕКАТЕРИНЫ.

Эрмишажъ, кошорый и по кончинѣ Ея каждогодно украшаешся каршинами и досшопамяшными произведеніями искушвъ. Въ царшвованіе Императора НИКОЛАЯ I-го возобновленный Эрмишажный Театръ даешъ случай любишелямъ изяшнаго наслаждашся еженедѣльно швореніями всѣхъ временъ Апеллесовъ и Фидіевъ. Авшоръ въ 1827 году имѣлъ счасшіе посвяшишь въ сіе собраніе художесшвенныхъ сокровищъ бюшъ на камнѣ, изображающій Суворова, рабошы славнаго Рускаго художника Г. Доброхошова.

117. Здѣсь вдовъ прибѣжище. 118. Тамъ Эскулаповъ домъ.

Вдовій Домъ и Академія Медикохирургическая.

119. Циклопы тамъ куютъ на злыхъ Титановъ громя.

Пушечный дворъ.

120. Тамъ замки Плутуса. 121. Здѣсь образъ Геркулеса.

Государшвенный Банкъ въ большой Садовой и спашуя Князя Ишалійскаго на Суворовской площади.

122. Люблю величіе и простоту Тавриды.

Таврическій Дворецъ и садъ на Невѣ.

123. Который нѣкогда Россіи деигалъ громя.

Алексѣй Ивановичъ Корсаковъ. См. примѣч. Т. I-й, сшран. 71.

124. *Тамъ тасто краски, кисть Кипренскій мой пріемлетъ.*

Извѣстный живописецъ, Орешъ Адамовичъ Кипренскій.

125. Смопри ниже въ семь помѣ Посланіе К. Н. Пучковой и описаніе объ образѣ крещенія Св. Владиміра, написанномъ Г. Тончи въ губернскомъ городѣ Владимірѣ 1813 года, шакже пушевыя записки Авшора, особливою книжкою въ Москвѣ напечатанныя, сшр. 20 по 24. Г. Тончи въ сіе самое время очень занимался сисшемою *о призракахъ* и показывалъ пріятелямъ рукописныя опшривки объ оной.

126. *Я грамотку твою не трезъ коней крылатыхъ* и проч.

Посланіе сіе было сперва напечатано въ Журналѣ: *Соревнователь*, 1819 года.

127. *Средь радости, торжествъ о милостяхъ богатыхъ*, и проч.

Письмо ошъ 20 Февраля получено Апрѣля 5.

128. *Прельщенный запахомъ Персидскаго шербета.*

Въ письмѣ А. А. Писарева сказано, что въ 1812 году онъ посылалъ сшихи Авшора въ Консшаншинополь, а послѣ ошсправилъ ихъ въ Тифлисъ къ Ивану Александровичу Вельяминову, ошкуда, вѣрояшно, досшигли Персидской столицы, и тамъ за рюлкою шербета были пѣты многая лѣта.

129. *Заочно говоря ему: Христосъ воскресъ.*

Сіе Посланіе сочинено и послано на Свяшой недѣлѣ.

130. *Подъ сѣнь твою склонясь Обжоркинъ и Расиловъ.*

См. разсужденіе А. А. Писарева о Посланіяхъ Авшора напечатанное въ *Алфіонѣ*, Журналѣ Г. Мерзлякова, 1815 года въ Москвѣ.

131. *Съ собою всѣхъ сестрицъ и братцевъ провели.*

Полное собраніе сшихошвореній въ 4 шомахъ, изданное 1818 года въ С. Пешербургѣ.

132. . . . . у Шаха въ Тегеранѣ.

Минисшромъ у сего Двора находился извѣстный Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, сочинилъ Комедіи въ сшихахъ: *Горе отъ ума*, и другихъ.

133. *Но современникъ нашъ, Россійскихъ тестъ знаменъ.*

Генераль опъ Инфаншеріи Алексѣй Пешровичъ Ермоловъ.

134. *Я Вельяминова горжуся похвалой.*

Генераль-Маіоръ, Иванъ Александровичъ Вельяминовъ, командовавшій до 1826 года подъ начальствомъ Генерала Ермолова въ Грузіи, нынѣ Генераль опъ Инфаншеріи, Генераль-Губернаторъ Западной Сибири.

135. *Посланіе о пользѣ Обществъ* чишано въ Общесствѣ Соревновашелей.

136. *Какой назначила кому природа путь.*

Корнелій и Лафоншенъ по обшояшельсшвамъ сдѣлались Поэшами, каковыя обшояшельсшва, можешъ бышъ, кромѣ большихъ городовъ, съ ними не случились бы и не опкрыли бы шѣхъ пушей, коими природа назначила имъ прославишся.

137. *Измѣрь въ своихъ стихахъ неизмѣримый духъ.*

Сей и послѣдующіе 4 стиха опносяшся къ незабвенному свойсшву и дѣяніямъ покойнаго Императора Александра I-го.

138. *Ліютъ сіяніе на гробы праотцовъ.*

Авторъ разумѣешъ здѣсь всѣ Общесшва и особливо Общесшво Историческое, каковое у насъ ешъ при Московскомъ Универсисешѣ.

139. *Улыбкой ободритъ Великій Царь-Отецъ.*

Общесшво Любишелей словесноши, ушвержденное Высочайшимъ усшавомъ 1818 года, имѣешъ двѣ почшенныя цѣли: просвѣщеніе и благошвореніе.

140. *Государственный Канцлеръ, Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ* построиль и опправиль на своемъ иждивеніи шлюбъ Рюрикъ, кошорый подъ начальствомъ морской Россійской службы Офицера Г. Коцебу, сына извѣснаго Нѣмецкаго писателя, обшекъ около свѣща. Опи-

саніе спрансшвія сего шлюба, и ошкрышія, кошорыя онъ сдѣлалъ, уже изданы въ печашь.

141. *Сынъ миротеорца, внукъ и миротворецъ самъ!*

Графъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ заключилъ союзъ со Шведами въ Фридрихсгамѣ. Графъ Пешръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій съ Турками 1774, о коемъ Авшоръ въ I-мъ помѣ на снр. 196 говоришь:

*Когда на высотѣ Балканъ
Свой еромъ Россіане метали,
Въ Стамбулѣ стѣны трепетали,
Объятъ былъ ужасомъ Диванъ.*

Сынъ его и внукъ перваго, Графъ Николай Пешровичъ со Шведами при Александрѣ I-мъ.

142. *Мигъ жизни ближнему и предкамъ посвящаетъ.*

См. древнія грамошы, изданныя Государшвеннымъ Канцлеромъ.

143. *Мой узелъ укрѣпилъ съ тобою самъ Суворовъ.*

Графиня Екашерина Михайловна Румянцова, родительница Государшвеннаго Канцлера, была родная шешка супругѣ Генералиссимуса Князя Суворова, на кошораго родной племянницѣ женашъ Авшоръ.

144. *Наперсникъ Аонидъ, самъ Коцебу - отецъ и проч.*

Вскорѣ послѣ сочиненія сего Посланія напечаташано было въ *Сынѣ Отечества*, что Г. Коцебу, ошець, пораженъ убійшвенною рукою студенша Занша и принесенъ въ жершву развраша и своеволия. См. Т. IV-й, басню: *Волкъ и Лисица*.

145. *Стени, Штутгартъ, стени! Екатерины нѣтъ!*

Покойная Королева Виршембергская, Великая Княгиня Всероссійская, *Екатерина*, была по своимъ добродѣшелямъ чрезвычайно любима. Спихи сіи переведены были на Нѣмецкій языкъ и напечаташаны на ономъ въ Германскихъ Журналахъ шого времени.

146. *Гдѣ счастье, Межаковъ, скажи, или оно
Оставлено богамъ, а смертнымъ не дано?*

Сіе Посланіе посвящено Павлу Александровичу Межакову и напечатано въ первый разъ въ *Невскомъ Зрителѣ* 1820 года. Вшорой сшихъ—покойнаго Александра Пешровича Сумарокова. Всѣ шѣ знапки, копорые имѣюшъ несчастіе думашъ, что у Сумарокова нѣшъ ни одного пушнаго сшиха, почиая оный моимъ, весьма хвалили. См. ошвѣшъ на сіе Посланіе въ сочиненіяхъ Межакова 1828 года, сшр. 127. Авшоръ Посланія пишешъ къ своему пріашелю о превраш-носшяхъ сей жизни для того чтобы его ушѣшишъ въ скорби своихъ домашнихъ обшояшельсшвахъ, и въ концѣ, желая разсмѣшишъ, упоминаешъ, что бѣдою не надобно почишашъ, если Бавіи не хвалишъ хорошихъ сшиховъ: *Кто Бавія уіметъ съ разсудкомъ не бранитья?*

147. Посланіе: *Неумѣренному гестолобцу* напечатано въ *Журналѣ Соревнователь просвѣщенія и благотворенія* 1819 года.

148. Посланіе: *К. Н. Пусковой*, напечатано въ *Журналѣ Соревнователь просвѣщенія* 1821 года.

149. *И съ береговъ Кубры пишу къ тебѣ Посланье.*

О Кубрѣ см. Т. I-й.

150. . . . . ловить замысловатыхъ словъ.

См. о дурной дорогѣ *путевыя записки*. Авшоръ тогда дѣлалъ большой вояжъ чрезъ Новую Ладогу, Тихвинъ, Ярославль и Косшрому, посѣщалъ Кубру и ошсюда обращаешъ на Владиміръ и Нижній, былъ Симбирской губерніи въ приданой вошчинѣ его супруги.

151. *Улѣветъ ли придать румяный цвѣтъ онъ цвѣ?*

Сіи и подобныя піишическія украшенія сушъ изобрашшеніе Авшора.

152. *И къ сожалѣнію съ Поэтомъ не встрѣтался.*

Князь А. А. Шаховской, Сочинишелъ многихъ хорошихъ Комедій.

153. *Не попадался мнѣ родня и мой пріятель.*

Павель Александровичъ Кашенинъ, Сочинитель Трагедіи: *Андромаха*.

154. *Но видѣлъ дѣдушкинъ въ моемъ помѣстьѣ кедръ.*

Въ двухъ версахъ отъ уѣзднаго города Галича село Реброво, гдѣ находится кедръ, посаженный Тверскаго Драгунскаго полка Полковникомъ, Михаиломъ Алексѣевичемъ Хвосшовымъ, роднымъ дѣдомъ Авшора. Извѣстный и хорошій Поэтъ нашего времени, Плашонъ Григорьевичъ Ободовскій, также помѣщикъ въ селѣ Ребровѣ, въ 1828 году шамъ былъ у своего родишеля и плодъ сего кедра посадилъ въ своемъ селѣ.

155. *Въ село Темирино на терноземъ стремился.*

Симбирской губерніи въ Ардашовскомъ уѣздѣ находится село Талызино, принадлежащее Графинѣ Хвосшовой, супругѣ Авшора, копорую въ стихотвореніяхъ своихъ онъ всегда называетъ Темирою. См. примѣч. 150-е при семъ Посланіи.

156. *Торговли внутренней тамъ созданъ пышный храмъ.*

См. въ *путевыхъ запискахъ* описаніе Нижняго-Новагорода и ярманки въ ономъ, сгр. 17.

157. *Питомцы сей рѣки. . . . .*

Ив. Ив. Дмишрѣевъ и Н. М. Карамзинъ.

158. *Обыкновенные . . . . гуськи,*

Такіе именно: какъ въ басенкѣ Крылова.

Басня: *Гуси*, напечатанная въ *Бесѣдѣ* и попомъ въ сочиненіяхъ И. А. Крылова. См. о гуськахъ *путевыя записки* сгр. 32.

159. *Среди Владиміра зрится торжество искусства.*

1812 года Г. Тончи, славный живописецъ нашего времени, находясь во Владимірѣ, и бывъ излѣченъ отъ

жеспокой болѣзни, изъ благодарности къ начальству и жишелямъ города написалъ превосходной работы образъ, пославленный въ Соборъ, изображающій крещеніе Владимірцевъ при Св. Владимірѣ. См. *путевыя записки*, стр. 19 по 22.

160. Сіе Посланіе также писано К. Н. Пучковой и естъ пріятельская шушка, а стихъ: *Ты разоря мой уголокъ*, ошносишся къ Посланію о Пришчѣ, о кошорой досшойно славимый Боало въ своей Наукѣ стихошворной не говоришь ни слова.

161. *Капниста мотыльку подобно.*

См. шворенія В. В. Капниша.

162. *Большой Семеновой плѣняюсь.*

Къ сожалѣнію Любишелей словесности и Театра, Кашерина Семеновна, когда сіе Посланіе было сочинено, не украшала Россійской сцены.

163. *Любя зеленый лаеръ, Пермесса водъ журтанье,
Прелестныхъ Аонидъ ты пріобрѣлъ вниманье.*

Иванъ Машевѣвичъ Муравьевъ-Апосполь, извѣстный нашего времени Сочинишель, кромѣ Европейскихъ, имѣешь знаніе древнихъ классическихъ языковъ Греческаго и Латинскаго. Онъ, находясь при особѣ Цесаревича, Великаго Князя Константина Павловича въ молодосшь Его, около 1785 года, по волѣ Императрицы Екатерины II-й, съ Англійскаго языка перевелъ славную Шериданову Комедію, называемую: *Школа злословія*, кошорая повинѣ играешся на нашихъ Театрахъ и принимаешся публикою съ особливою похвалою.

164. *Для Рускихъ хладныхъ странъ высокій образецъ.*

Авторъ весьма сожалѣешь, что знаменишый пріятель его, Муравьевъ-Апосполь, чиналъ въ *Бесѣдѣ* многіе изъ стихошвореній Горація переводы свои не стихами, а прозою.

165. *Пѣвецъ, желающій отъ Музъ себѣ награды,
На древность славную пусть обращаетъ взгляды.*

Сіе Посланіе написано съ намѣреніемъ показашь, что не иначе, какъ при соблюденіи собсшвенности (originalité), должно слѣдовашь древнимъ образцамъ, и что при соображеніи шолько съ общояшельсшвами своего времени похвально подражашь въ цѣли Поэзіи, ш. е. благонравіи и даже въ формахъ. Французская Поэзія шеперь образцовая, но она со всѣми благоразумными своими перемѣнами не иное что, какъ сколокъ съ Поэзіи Греческой и Латинской.

166. *И множество другихъ вступиликъ Музамъ въ храмъ.*

Французы, говоря о словесности, имѣють своихъ геніевъ (génie), ш. е. писателей съ необыкновенными талантами и превосходныхъ въ своемъ родѣ предъ другими; шакovy сушь Пешръ Корнелій, Расинъ, Молліеръ, Лафоншенъ, Паскаль, Боссюэшъ, Фенелонъ, Массильонъ, Кребильонъ, Волшеръ, Руссо-Лирикъ и другіе, занимающіе на Геликонѣ опличныя мѣсша, но съ успункою первымъ. Безспорно, что и послѣдніе имѣють свою собсшвенность (originalité), кошорая нѣкошорымъ образомъ уже еспь подражательная. Что же касается до Рускихъ образцовыхъ писателей, то покойный шворецъ Россіяды, хошя дошпоинсшвомъ не равняешся съ Ломоносовымъ, но онъ подарилъ ошечесшвенную словесность Поэмою, кошорой лучше и шеперь еще у насъ нѣшть.

167. *Горацій на вопросъ: „природный даръ и вкусъ и проч.*

Правило Горація само по себѣ шакъ ясно, что, кажешся, не нужно оное объясняшть примѣчаніемъ.

168. *Мы Гнѣдига должны за то благодарить,
Что хотетъ намъ отца пѣвцовъ усыновить.*

Н. И. Гнѣдичъ, къ чесши его и нашего времени, наконецъ издаешь свой знаменишый шрудъ, ш. е. переводъ въ Рускихъ экзамешрахъ *деадцати гетырехъ пѣсней Иліады Гомера*, сего неподражаемаго пѣвца боговъ; печат-

шается въ Типографіи Императорской Россійской Академіи и вскорѣ покажется предъ судъ Публики.

169. *Потомству надобствъ отборными словами.*

Сей стихъ изъ 1-й пѣсни Буало о Ронсардѣ. Авторъ и здѣсь мѣшишь на записныхъ Рускихъ Славенофиловъ.

170. *Хвала тому, кто быстро коситъ и проч.*

Извѣстный Генераль - Лейшенаншъ, Князь Павелъ Михайловичъ, сынъ знаменишой основательницы Россійской Академіи, Княгини Екашерины Романовны Дашковой, обучался подъ руководствомъ родительницы своей въ Англійскомъ Оксфордскомъ Университетѣ и получилъ дипломъ на званіе практическаго Доктора. Сей доспойный и почтенный Губернскій Предводитель Московскаго Дворянства въ молодость свою былъ опличный Дансеръ, весьма пріятель въ Обществѣ, благошворитель, любитель просвѣщенія, словесности и искусствъ; часпо пріятелямъ своимъ помогаль въ ихъ болѣзняхъ и имѣль въ Медицинѣ доспашочныя познанія. Онъ скончался въ Москвѣ 1807 года.

171. *Голоднымъ изъ стола вставалъ.*

Извѣстное правило Галена въ діететикѣ: вспавши изъ за стола, имѣшь сполько аппетита, чшобы пріянься опяшь за кушанье. Сіе весьма полезное правило, не ошягощашъ чрезмѣрно желудка, не всѣми исполняешся.

172. *А. А. Писаревъ, нынѣ Генераль - Маіоръ, Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, находился тогда въ арміи и получилъ, не задолго до вспушленія нашихъ войскъ въ Парижъ, орденъ Св. Анны первой степени, къ чему ошносится стихъ: Который носитъ благодать.* Онъ же во время сущесшвованія Бесѣды въ домѣ Державина былъ членомъ оной. Сіе Посланіе было напечатано въ полномъ изданіи 1821 года.

173. Сіе Посланіе къ *И. И. Дмитріеву* сочинено на случай шоржесшвеннаго собранія въ Императорской Россійской Академіи, въ коемъ Исшоріографъ чишалъ нѣкошорыя мѣспа изъ IX тома Исшоріи его о Россійскомъ Государсшвѣ, и по прочшеніи получилъ большую золошую медаль, къ удовольсшвію многочисленнаго собранія, изъявленному громкимъ плескомъ соучасшія въ наградѣ. *И. И. Дмитріевъ* увѣдомлялъ Авшора, что онъ ошъ него перваго получилъ пріяшную вѣсшъ о семъ шоржесшвенномъ въ Академіи собраніи, и вошъ что подало случай написшь сіе Посланіе, кошорое было чишано въ Общесшвѣ Любисшелей словесносши и напечаташано въ Журналѣ онаго, а послѣ въ полномъ изданіи 1821 года.

О П Е Ч А Т К И

ВЪ 3-МЪ ТОМЪ СТИХОТВОРЕНІЙ Г. Х.

<i>Стран.</i>	<i>Строкъ.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>
10.	1.	солнцевъполдень,	солнце въ полдень,
13.	12.	коснулось	коснулось
29.	14.	провожаешь.	провожаешь.
35.	4.	Москвѣ .	Москвѣ,
41.	8.	обѣдѣ.	обѣдѣ,
—	9.	Ларедѣ	Ларедѣ.
42.	9.	се й жизни	сей жизни
45.	2.	музы	Музы
46.	19.	подспашь,	подъ спашь,
47.	17.	ыш, —	шы, —
48.	6.	богашый	богашый.
62.	2.	пороковъ,	пороковъ.
63.	5.	родичъ	родичъ
68.	14.	зеркальномъ	зеркальномъ,
69.	10.	купидонъ	Купидонъ
73.	22.	гошовишь,	гошовяшь,
76.	5.	саширу;	Саширу;
78.	5.	Зефиръ	Зефиръ
88.	21.	кисшь—	кисшь
113.	5.	саширой	Саширой
116.	6.	исшупленія	изшупленія
140.	10.	Словесноши	словесноши
148.	3.	слова --- сочишишеля	слова, --- сочишишеля,
151.	25.	кошорое	кошорыя
160.	5.	бѣгу	бѣгу,

